

ВОЙНА В СТРАНЕ ГОР
СОЛДАТ УДАЧИ
12 [63] 1999
ПРАВДА И ЛОЖЬ
О ШТУРМЕ САМАШЕК
УКРОТИТЕЛЬ ТАНКОВ
ТАЙНЫ ЦРУ
В ЛАОСЕ
ISSN 0201-7121
ИНДЕКС 71223
9 770201 712002

СОЛДАТ УДАЧИ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор Андрей КУЗЬМИНОВ

Технический редактор Светлана СТУКАЛОВА

Редактор отдела фотоиллюстраций Андрей ЕГОРШЕВ

Специальный корреспондент Борис ДЖЕРЕЛИЕВСКИЙ

Экономический отдел Нона ПЕЙКРИШВИЛИ

Коммерческий отдел Александр ОСОВИК

Отдел распространения Константин СОКОЛОВ, Жанна СИНЕВА

Компьютерная верстка Юлия ЕРИНА

Телефон/факс редакции:
(095) 958-1699,
(095) 237-6270

E-mail: fortuna@dialup.ptt.ru

Адрес редакции:
Москва 113162, ул. Люсиновская, 68.

По вопросам рекламы и распространения звонить
959-2350, 953-2178.

Приглашаем к сотрудничеству рекламных агентов и частных распространителей.

Учредитель и издатель:
фирма «Мейкер» (Россия)

Подписано в печать 16. 12. 1999

Издание зарегистрировано в Министерстве печати и информации РФ, свидетельство № 012823 от 16. 08. 94.

Цена свободная.

Подписные индексы:
71223 по каталогу Роспечати
26319 по Объединенному каталогу (адресная подписка)

Допечатный процесс:
компания «ПАПИЛЛОНС»

Отпечатано в типографии
ИПП "Кострома"
Заказ№ 1685.
Тираж 42 тыс. экз. 1 завод 22 тыс.

Точка зрения редакции не обязательно совпадает с мнением авторов

Фото на календаре: «Известия»

К сведению авторов!
Редакция не имеет возможности рецензировать получаемые материалы.
Рукописи и иллюстрации не возвращаются, кроме уникальных, если это оговорено владельцем. Тексты принимаются в машинописном виде или на дискете в форматах Word, Lexicon.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Андрей КУЗЬМИНОВ

В ПРИЦЕЛЕ ГРОЗНЫЙ

Пять лет назад в новогоднюю ночь федеральные войска начали штурм Грозного. Несмотря на то что операция готовилась в обстановке большей секретности, чем, например, штурм оппозиции 26 ноября 1994 года, из-за утечки информации фактор неожиданности был все же утерян.

Сегодня командование российских войск не скрывает своих намерений. «Грозный будем брать» — так говорят все, начиная от командующего войсковой группировкой, заканчивая рядовыми бойцами. Об этом знает и противоборствующая сторона. Однако план взятия столицы Чеченской республики пока известен немногим. Хочется надеяться, что при проведении очередной операции будут учтены ошибки предыдущей кампании. Может, поэтому российское командование не спешит раскрывать своего «ноу-хау». Хотя в принципе никакого «ноу-хау» и нет.

«Ребята, читайте Боевой устав, он написан кровью» — такими напутственными словами сопровождаются занятия на кафедре тактики любого военного училища и в академиях. Действительно, хватит неоправданных потерь. Пора прекратить воевать с оглядкой на высшее руководство, которое ожидает взятия того или иного населенного пункта как подарка «к очередной годовщине, дедовщине, чертовщине и ко дню рождения».

Не один год города и селения Чечни превращались боевиками из населенных пунктов в опорные. Причем хорошо укрепленные, скоординированные и глубоко эшелонированные. Если жителям самим не удается выгнать террористов из своих домов, кварталов и окрестностей, то «пункты» автоматически переходят в разряд «линий обороны и очагов сопротивления». Местному населению так или иначе, но придется покидать свои домашние очаги, а войскам — с боем ими овладевать.

Порой возникают сложности из-за нежелания боевиков выпускать «мирняк», превратив его в своих заложников. Скажите, а давно ли сам «мирняк» переоборудовал свои дома в импровизированные тюрьмы для заложников — людей, захваченных не только на территории Чечни, но и в соседних регионах? Выходит, срабатывает принцип «бумеранга».

И неужели так будет до бесконечности: одни захватывают, другие с боем освобождают? Причем обе противоборствующие стороны ненавидят друг друга, да и вряд ли когда полюбят. Получается замкнутый круг всеобщей ненависти.

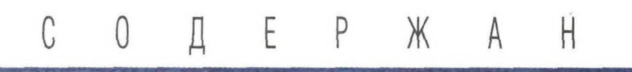
К сожалению, на другой вариант пока рассчитывать не приходится, так как его просто нет. Грозный придется брать. С болью, кровью, но вышибать противника из города, в свое время основанного русским казачеством.

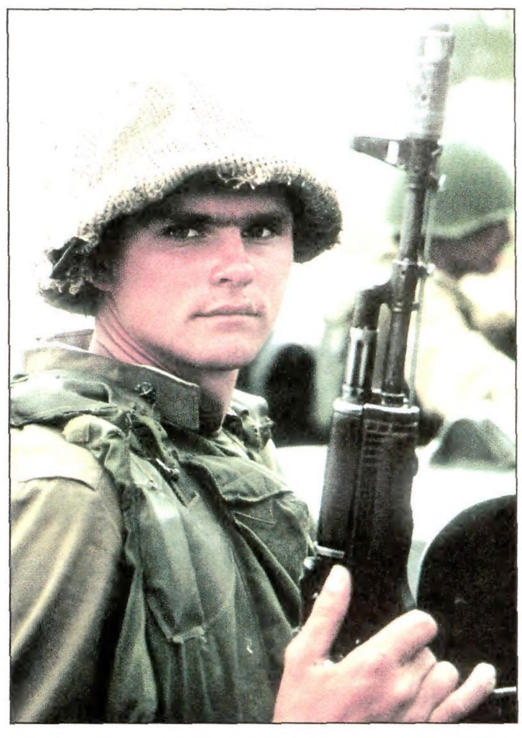
Хочется надеяться на то, что боевикам вряд ли теперь удастся жечь колонны войск на его узких улицах и с ухмылкой безнаказанности ловить в прицел мальчишек-срочников.

Журнал тех,
чья работа — защищать

12[63] 1999

Фото на обложке
из архива «Солдата удачи»

П Е Р Е В О Д Ы

ЛЮДИ И ГОРЫ

Алексей ЧИКИШЕВ

Фото «Известия»

Окончание. Начало в №10 — 1999

Человек, испытывающий афганский синдром, время от времени ощущает острую тоску по годам, проведенным на базе в кругу друзей. Он понимает, что в одну и ту же реку нельзя войти дважды, но если бы вдруг представилась возможность вернуть былое, он ухватился бы за нее без колебаний.

Как правило, таких доверительных отношений, такого спаянного, дружного коллектива, как это было в Афганистане, дома бывшие спецназовцы лишены. При афганском синдроме даже отрицательные моменты: неустроенный быт, минимум развлечений во время досуга, скудное питание, постоянный риск, огромные физические и психологические нагрузки во время операций — не только перестают восприниматься как негативные, но и приобретают некую привлекательность, становясь одними из самых ярких переживаний и воспоминаний.

По свидетельству большей части опрошенных рейнджеров, в первое время после возвращения из Афганистана они, немного отдохнув, но так и не привыкнув к мирной жизни, заявляли о своем желании вновь отправиться в Афганистан. Рапорта рядовых спецназовцев, находящихся в запасе, командование не рассматривало, однако офицерам подобная возможность предоставлялась.

В отличие от ситуации в большинстве других частей 40-й армии в спецназе существовали более дружеские, доверительные отношения между солдатами и офицерами. Офицеры спецназа наравне со своими подчиненными несли все тяготы службы и подвергались точно такому же риску во время боевых операций. Они не прятались за спины солдат.

В спецназе была невозможна ситуация, которая считалась обычной в других частях: во время пеших переходов по горам все снаряжение офицера, все его личные вещи за исключением оружия несли бойцы. В группах спецназа офицер не только нес сам весь свой груз, который весил порой 35 — 40 килограммов, но и брал на свои плечи что-нибудь дополнительное, если возникала необходимость. На операции офицер ел точно такой же паек, что и солдаты, спал в точно таких же условиях.

Если подчиненные видели, что их командир обладает высокими профессиональными качествами, бережет людей, не заставляя их понапрасну лезть под пули, готов помочь солдату, то, как правило, в группах складывались очень дружеские отношения, что во многом способствовало выполнению боевых задач.

Конечно, эти отношения мало напоминали то, что описывалось в лубочных журналистских опусах в «Красной Звезде», но в целом в группах спецназа офицер был гораздо ближе к солдатам, чем в остальных частях «ограниченного контингента».

Подобный тип взаимоотношений устанавливался не вдруг. Если офицер сразу после училища приходил на должность командира группы, ему приходилось в течение нескольких месяцев зарабатывать авторитет среди подчиненных, многие из которых, прослужив в Афганистане более года, знали и умели больше, чем он. Иногда солдаты в таких ситуациях пытались навязать обращение на «ты», продемонстрировать свое превосходство. Офицеры тоже в свою очередь порой вели себя не поджентльменски, воспитывая нерадивых, на их взгляд, подчиненных. Были случаи, когда офицер прибегал к такому аргументу, как кулак. Однако силовые приемы военных «педагогов» были скорее исключением, чем нормой.

По-разному складывались отношения между офицерами и солдатами в том, что касалось распределения трофеев. В одних группах принципиальный командир мог сложить найденные в разгромленном караване магнитофоны, фотоаппараты, часы в одну кучу и протюжить ее броневиком; в других — офицер закрывал глаза на все случаи стяжательства и мародерства, получая от солдат свою долю...

По свидетельству бывших солдат, в некоторых батальонах существовала своеобразная такса за то, чтобы попасть в первую партию увольняемых в запас. Командир роты получал в дар энное количество бутылок водки, и вопрос решался к обоюдному согласию.

Дань в виде водки взималась не случайно. Существовал строго установленный «водочный этикет». Офицер, прибывший на базу из отпуска или для замены кого-нибудь из «старожилов», был обязан выставить водку, чтобы отпраздновать свое возвращение или войти в коллектив. При наступлении срока замены после двух лет службы в Афганистане этот же офицер устраивал «отходняк», на котором выпивалось просто сумасшедшее количество алкоголя.

Обмывались и другие торжественные случаи. Однако на операции ни один офицер не позволил бы себе принять хотя бы каплю спиртного.

Непростые отношения складывались между спецназовцами и их командованием, начиная с батальонного звена и выше. По мнению большинства рядовых солдат и офицеров, честно заработавших ордена, «штабные», не принимая непосредственного участия в боевых действиях, получали награды за их счет.

Чрезвычайно раздражающе действовали на спецназовцев случаи некомпетентности, безграмотного командования со стороны старших начальников, особенно если в итоге погибали люди. Всеобщее негодование вызывали ситуации, когда начальство прилетало на вертолетах в район боевых действий, чтобы набрать для себя лучшее из трофейного имущества. Эти визиты, естественно, происходили после боя.

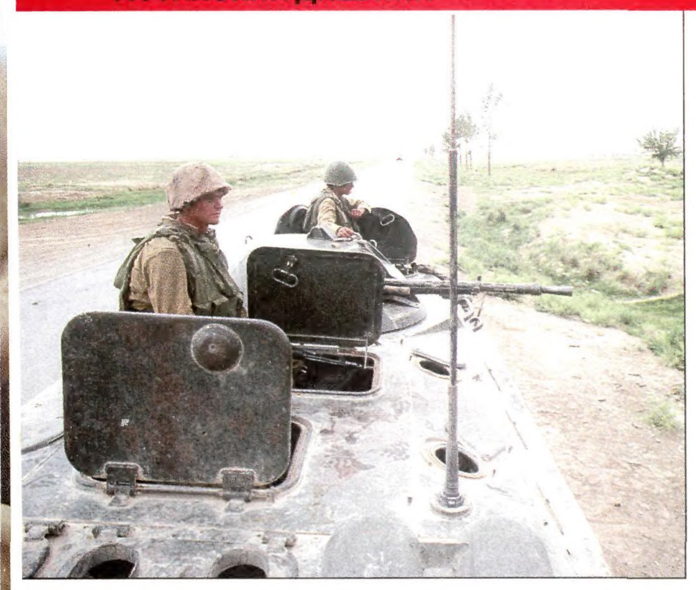
Потребительское отношение старших начальников, которые требовали достать им уйму вещей, начиная с удобного импортного полевого обмундирования и кончая деньгами, превратилось в весьма распространенное явление. Почти все опрошенные рейнджеры приводили по нескольку примеров, иллюстрирующих эту неприглядную сторону войны.

Отношения между людьми на базах были далеки от идеала. В батальонах сложился определенный кодекс поведения, некоторые проявления которого в повседневной жизни могли бы шокировать гражданского человека.

Солдаты, проявлявшие на операции образцы взаимовыручки, самопожертвования и отваги, могли на базе довольно жестоко избить сослуживца, если тот, по их мнению, нарушил негласные правила кодекса. Чаще всего рукоприкладство, которое называлось «разборками», происходило после возвращения с операции. Например, во время пребывания в горах молодой солдат выпил из резинового резервуара всю воду, предназначенную для группы, или от усталости во время пешего перехода не смог нести свой груз — «сдох», как говорилось в Афганистане, или заснул во время дежурства. Пока группа находилась вне базы, «работая» в горах, его никто не трогал, но стоило ей вернуться домой — провинившегося сурово наказывали. Нравы были жесткие — в духе окружающей обстановки.

Однозначно жестоко карали за трусость, малодушие, доносительство. Однако в том, что касалось неуставных отношений в виде мордобоя или издевательств над личностью, спецназу было очень далеко до большинства других подразделений, находившихся в Афганистане. Это можно объяснить тем, что группы спецназа ввиду своей малочисленности были очень слаженными коллективами: антагонистические отношения между дюжиной людей — а именно столько человек обычно насчитывала одна группа — не позволили бы ей успешно действовать.

Большая часть времени у спецназовцев проходила на операциях. На базе они находились гораздо меньше, чем в горах. В этот промежуток времени все старались выспаться, отдохнуть и приготовиться к очередному выходу.

Самый большой процент неуставных отношений в 40-й армии приходился на тыловые части, которые соответственно находились в пунктах постоянной дислокации или выходили с них на небольшой промежуток времени. В группах спецназа дело дальше «разборок» по конкретным вопросам не шло. Чрезвычайно редко происходили столкновения на национальной, религиозной почве или из-за личных антипатий. Разница в различных сроках службы, которая определяет отношения между солдатами повсюду в вооруженных силах, также в подразделениях спецназа особой роли не играла.

Жестокие нравы во многом зависели от социального состава рядовых военнослужащих спецназа. Как показало анкетирование, до 85 — 90% рядовых и сержантов были выходцами из рабочих и крестьянских семей, многие воспитывались в распавшихся и неблагополучных семьях. Откуда тут взяться хорошему тону. При отборе в части спецназначения требовались хорошее физическое развитие, выносливость, быстрая реакция и в последнюю очередь — аттестат о среднем образовании...

Однако как бы неудачно ни складывались отношения между солдатами в спецназе, каждый из них был в полной уверенности, что, если он будет ранен, его вынесут из-под огня в любом случае.

Среди военнослужащих срочной службы, особенно среди выходцев из республик Средней Азии, существовала наркомания. Она не была так сильно развита, как в большинстве других частей «ограниченного контингента», где в остальных ротах и батареях употребляли наркотики до 90% рядовых. В спецназе наркомания в таких масштабах была невозможна. В маленьких группах командир мог сразу заметить наркомана и избавиться от него. Кроме того, лучшим средством естественного отбора оказались большие физические нагрузки на операциях.

Здоровые оставались в спецназе, наркоманов сплавляли в пехоту. В основном курили чарс — самый распространенный афганский наркотик. Он был недорог, прост в обращении, и достать его не представлялось сложным делом. Зачастую афганцы отдавали его советским военнослужащим бесплатно. При этом расходы афганцев, будь то торговец в дукане или мальчишка из соседнего кишлака, оплачивались моджахедами.

Солдаты предпочитали курить чарс еще и потому, что водка стоила дорого, да и алкогольное опьянение сильнее бросалось в глаза, нежели наркотическое.

Иные офицеры избирали довольно жестокую форму борьбы с заядлыми курильщиками чарса — отобранные сигареты с наркотиками тушили о запястье наркомана.

На базах, в перерывах между операциями, спецназовцы в основном отсыпались. Выбор форм времяпровождения разнообразием не отличался: книга, телевизор с одной программой и спортгородок — вот и все развлечения. Если в батальон привозили художественный фильм, то его крутили по нескольку раз, чтобы все группы смогли посмотреть картину. Обычно это была «запиленная» копия старого фильма, склеенная в ста местах. Посещение базы артистами из Союза превращалось в грандиозное торжество. Сравниться с ним могли лишь спортивные праздники, которые время от времени проводились в батальонах.

Спорту уделялось постоянное внимание. Особой любовью пользовались восточные единоборства и тяжелая атлетика. На спортгородках не только во время утренней зарядки, но и в свободное время можно было увидеть спецназовцев, «работавших» с нунчаками и ножами. Многие усиленно накачивали мускулы, поднимая гири и танковые траки. Обладание мощными бицепсами считалось признаком хорошего тона в среде спецназовцев.

Питание на базах энтузиазма не вызывало. Но на операциях рейнджеры могли не только давиться сухим пайком, в котором были в основном консервы (впрочем, вполне приличного качества), но и полакомиться свежей бараниной или фруктами. «Революция все спишет», — говорили они, снимая шкуру с овцы, попавшейся им в руки. На самой базе рацион был весьма бедным. Макароны, каша, жиры, которые во время жары просто не лезли в глотку, — вот неизменные компоненты питания. По мере того как шли дни после прибытия на базу транспортной колонны, качество и разнообразие продовольствия становилось все хуже и беднее. Перед приходом следующей колонны иногда случалось, как говорится в русской присказке, зубы класть на полку.

И солдаты и офицеры однозначно не были удовлетворены снабжением. Особенно плохо кормили солдат. Именно поэтому на операции они при первом же удобном случае очищали сады аборигенов и умыкали у них

баранов. Солдаты знали, что на базе их никто не накормит свежим мясом и помидорами.

Главным удовольствием на базе считался поход в баню, хотя внешне банные постройки имели самый непритязательный вид. Чаще всего это были землянки, состоящие из нескольких помещений с небольшими подслеповатыми оконцами.

Ненамного выгоднее смотрелись и другие постройки базы. Десяток модулей, деревянные будки туалетов и рукомойников, несколько сборных железных конструкций под складские нужды, автопарк и вертолетная площадка — все за двойным рядом колючей проволоки.

Картину завершали минные поля, со всех сторон окружавшие базу, и невысокий земляной ров с позициями для стрелков по всему ее периметру.

Несмотря на спартанские условия жизни, спецназовцы быстро привыкали к своему «дому» и, возвращаясь с боевых действий, неизменно громко орали «ура», когда бронемашины въезжали на КПП базы. Они проезжали мимо самодельных обелисков и памятных знаков в честь погибших сослуживцев. Их строили прочно. Ведь никто не знал, как долго продлится эта война, как долго им предстоит еще нести службу в Афганистане.

На базах успело смениться по 2 — 3 состава батальонов спецназа, и новые люди приходили на уже обжитые места. База воспринималась как кусочек родной территории во враждебном окружении. Ведь это было единственное место, где они могли не думать об опасности, расслабиться, отложить в сторону оружие. На базах их ждали друзья и письма из дома.

Жизнь на базе спецназа не отнесешь к приятному времяпровождению, но многие бывшие спецназовцы с ностальгией вспоминают свою службу в Афганистане, уносясь мысленно в былые времена.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Опыт боевых действий в Афганистане убедительно показал, что в советских вооруженных силах накануне вторжения в эту страну не существовало подразделений, предназначенных исключительно для ведения антипартизанской войны. Это лишний раз доказывает, что при планировании операции по вводу войск Генштаб сделал довольно поверхностный прогноз дальнейшего развития событий в Афганистане. По всей видимости, вооруженная оппозиция в лице моджахедов не воспринималась в качестве серьезного противника. По воспоминаниям военного советника А. Катинаса, маршал С. Соколов накануне свержения Амина так охарактеризовал моджахедов: «Что могут сделать эти мужики в широких штанах против такой силы! (Советской Армии. — *Авт.*)». Подобное мнение было весьма распространено среди высшего руководства советских вооруженных сил.

Только столкнувшись с мощью джихада, советское командование кардинально изменило свою первоначальную точку зрения. Функции специальных антипартизанских подразделений были возложены на спецназ, который изначально имел совершенно иное предназначение.

Парадокс ситуации заключался еще и в том, что настольными книгами моджахедов были пособия, написанные на основе лекционных материалов и воспоминаний таких признанных мастеров партизанской войны, как Вершигора, Медведев и Федоров, прославившихся во время Второй мировой войны.

В определенной мере спецназу на себе пришлось испытать богатый опыт отечественных партизан — творчески переработанный и приспособленный к азиатским условиям.

Части спецназначения довольно быстро превратились в эффективную силу, которая противостояла моджахедам. Однако и спецназовцам, за спинами которых была целая армия, усиленная большим количеством авиации, не удалось нанести решительное поражение исламским партизанам. В Афганистане повторилась ситуация, в которую попадали в различное время наполеоновские войска в Испании, немецкие — в России и Югославии, американские — во Вьетнаме.

Подавить партизанское движение, имеющее широкое признание и поддержку среди местного населения, практически невозможно. Операции, проведенные спецназом против моджахедов, достойны изучения в стенах военной академий. Однако следует помнить и главный урок афганской кампании — с народом воевать нельзя. К сожалению, урок этот стоил армии немалых жертв.

В советском обществе того времени, когда шла война в Афганистане, за редчайшим исключением никто открыто не выступил против этой явно неправедной войны.

После развала Советского Союза наряду с высшим военно-политическим руководством во всех мыслимых грехах обвинили и рядовых участников этой войны. На самом деле их главная вина заключалась в том, что именно они, а не другие были направлены служить в Афганистан.

Такая ситуация не была исключением из правил. Америка тоже прошла путь от третирования тех, кто воевал во Вьетнаме, до возведения мемориальной стены со скорбным списком в более чем 58 тыс. фамилий американцев, погибших во вьетнамской войне.

Наши соотечественники, отдавшие жизнь на земле Афганистана, честно выполняли свой воинский долг и остались верными присяге. Увы, их смерть не послужила предостережением обществу и политикам. Именно поэтому несколько лет спустя афганские события фактически повторились в Чечне. Сходство поражает.

Вячеслав ДМИТРИЕВ

Фото «Известия»

ГРОЗНЫЙ 95-го

Для спецназа чеченская война началась неудачно. Один отряд, который не удалось эвакуировать, попал в плен в горах, другой почти полностью погиб в результате диверсии. Несколько групп, входивших в Грозный в новогоднюю ночь, были уничтожены боевиками.

К такому повороту событий мы не были готовы. Пришлось на ходу учиться воевать в новых условиях. Времени не хватало, но все понимали, что от того, как мы сумеем приспособиться к новым условиям войны, зависит наша жизнь.

Мою группу к войне готовили всей бригадой. Кто успел повоевать в Афганистане или Карабахе, делились секретами войны. Группа подготовилась за неделю. В ней было два офицера, два прапорщика (один из них — связист) и восемь солдат. В случае необходимости группа могла разделиться на четверки, тройки или двойки, способные самостоятельно выполнять задачи и принимать ответственные решения. У каждой двойки была радиостанция.

Накануне отправки в Грозный перед группой выступил комбриг:

— Мы на вас надеемся, не подведите бригаду!

Консервный завод

Моя группа и группа Бердской бригады оказались единственными, кто прибыл в Грозный не на бронетехнике, а в кузове обычного армейского «Урала». Настоящей войны, а тем более в городе, никто из нас не видел, не знали, как действовать и чего бояться.

Первая остановка была на консервном заводе. Выгружались под минометным огнем. Бойцы хватали максимум имущества и что есть силы бежали в бывшее здание склада, имевшее бетонные перекрытия, за которыми можно было укрыться. Минут через 10 минометный огонь прекратился.

Приказав обустраивать базу, я отправился осмотреть консервный завод. Он представлял из себя ряд помещений барачного типа, но построенных очень основательно. В некоторых из них размещались штабы частей, в других — подразделения, выведенные из боя, и их бронетехника. Часть складов еще была заполнена консервированными соками и компотами. К ним постоянно тянулся людской ручей, уносивший консервные банки.

Некоторое время нас донимал минометный обстрел. От него не было спасения, пока не поймали вражеского корректировщика.

Кто-то из часовых заметил человека славянской наружности в форме капитана российской армии, который шлялся по территории консервного завода. Проверили. Номер части в документах не совпадал ни с одной из воинских частей, вошедших в Грозный, а артиллерийская буссоль и японская радиостанция рассеяли все сомнения.

При допросе выяснилось — украинский наемник. Дальнейшая судьба неизвестна. Одни говорили, что его отправили в Моздок на фильтрационный пункт МВД, другие — что расстреляли здесь же, за бараками. В тех условиях правдой могло быть и то и другое.

Передав на базу о своем местонахождении, вместе с оперативным офицером капитаном Нетто и командиром бердской группы мы отправились в штаб Рохлина, в подчинение которого прибыли. С обстановкой нас познакомил его начальник разведки. Утром моя группа отправлялась в распоряжение командира 276-го мотострелкового полка.

На передовой

Рано утром на своем «Урале» отправились к центру города, в расположение

полка. Там нам была поставлена первая боевая задача. По тому, как это было сделано, стало ясно, что командование полка не имеет ни малейшего представления о специфике боевой работы спецназа. Один из его руководителей поразил нас своим идиотизмом: «Вы должны заскакивать в здания, занятые боевиками, и ножами их там всех, ножами...» Тогда я посчитал это глупой шуткой.

Для введения в боевую обстановку нас вывезли на передовую. На месте задачу ставил молодой, крепкий подполковник с позывным «Слово». Его БТР-80 буквально прыжками от дома к дому доставил нас на край нашей обороны. Здесь группу разделили на две подгруппы: одна вместе со мной осталась в здании «Кредо-банка», другая со старшим лейтенантом Рахиным обосновалась в одном из многоэтажных домов.

Кратко объяснив, где наши, а где боевики, подполковник вскочил на БТР и умчался. Мы огляделись. Участок был относительно спокойный. Рядом двухэтажное здание банка. Его заняли совсем недавно, поэтому все сохранилось в целости, столы, диваны и другая мебель даже не успели покрыться пылью.

День прошел спокойно, если не считать стрельбы по нашим окнам. Кто противостоял нам, мы не видели. Иногда казалось, что впереди никого нет. Время от времени раздавались крики «Аллах акбар». На эти крики мы не обращали внимания, на выстрелы отвечали огнем. Наш перекресток находился кварталах в пяти от дворца Дудаева. По улице впереди просматривался остов сгоревших «Жигулей» и разбитые витрины дорогих магазинов. На многих дверях висели замки.

К вечеру ощутили нехватку воды. Водки кругом было море: ею мыли руки, умывались, обрабатывали ссадины, иногда пили, но только высококачественную. Такой у нас считалась «Смирновская». Много было вина и шампанского — все это нашлось в близлежащих магазинах. Воду подвозили с консервного завода, но из-за обстрелов это не всегда удавалось.

Тревожная ночь, или о том, как утром бойцы спецназа едва не стали миллионерами

Ночь. Город погрузился в сплошную темноту. Ни одного огонька, ни единого звука. И вдруг тишина взрывается разрывами артиллерийских снарядов, автоматными и пулеметными очередями. Небо в росчерках осветительных ракет. Так продолжается минут пять, затем все стихает. Через какое-то время повторяется вновь.

Откуда-то издалека доносится шум барабана и музыка. Это чеченцы-смертники танцуют зикр. От такой какофонии невольно по коже пробегают мурашки. Люди не спят, внимательно всматриваются в темноту.

Утром, выйдя во внутренний дворик, вижу, как какой-то офицер, построив местных жителей, раздает им деньги. Спрашиваю его:

— Ты что, помирать собрался?

— Нет, деньги не свои, из банка. Там много.

Я вспомнил про сейфы, оставшиеся в помещениях, и дал команду осмотреть их. Большая часть сейфов уже вскрыта, на полу валяются какие-то бумаги, но денег нет. Осматривая комнату за комнатой, дошли до подвала. Он заминирован. Сняв две гранаты на растяжках и одну мину ОЗМ-72, спустились вниз. В одном из коридоров обнаружили два больших сейфа. Борозды на полу говорили о том, что занесли их сюда недавно. Решили вскрыть эти сейфы на месте. Попробовали гранаты, бесполезно. Хотели расстрелять из гранатомета, но узость коридора не позволяла этого сделать.

Я связался со своим оперативным офицером и затребовал пластид. Естественно, по радиостанции я не мог объяснить, для чего он мне понадобился, потому капитан Нетто и не поспешил его мне доставить. Вскоре он приехал вместе с подполковником «Слово», но лишь объявил, что нас перебрасывают на другой участок, где готовится штурм. Я собрал группу, и мы отбыли.

В здание «Кредо-банка» вернулись через три дня, когда там уже находились представители военной контрразведки. В одном из сейфов в подвале обнаружили около 300 тыс. долларов и акции на десятки миллионов.

** См. «Солдат удачи» №1, 1999, «Морская пехота в Грозном».*

Первый штурм

БТР привез нас в один из дворов, выходящих на улицу Космонавтов. На этом участке наступали морпехи-североморцы. Ребята все крепкие, прямо-таки богатырского телосложения. Чувствовался и какой-то особый, залихватский дух, который бывает только на флоте. Многих из них незадолго до отправки в Чечню сняли с кораблей и перевели на службу в морскую пехоту*. Здесь же я соединился с подгруппой Рахина, и теперь моя группа опять была в полном составе.

Для них эта ночь прошла беспокойнее, чем для нас. Они ходили в разведку, но, пройдя полквартала, были обнаружены боевиками, которые стали забрасывать их гранатами. Обошлось без жертв, но пришлось вернуться в расположение морских пехотинцев.

Здания по одну сторону улицы занимали морские пехотинцы, по другую — боевики. Их разделяли какие-то 30 метров: ширина улицы и тротуара. На таком расстоянии противники отлично слышали друг друга. Шла словесная перепалка. Со стороны боевиков кто-то кричал:

— Пацаны, я из Подмосковья! Земляки есть?

— Есть, высунь рожу, я в нее пулю всажу! — отвечал один из морпехов.

В это время подполковник, который нас привез на БТРе, собрал командиров для доведения плана штурма. Не знаю, сам он его придумал или получил команду сверху, но план мне не понравился сразу. Моя группа должна была под прикрытием морских пехотинцев броском преодолеть улицу и, заскочив в арку дома напротив, войти в здание. За нами следом пойдет штурмовая группа морпехов. Огневую поддержку будут осуществлять два танка и две ЗСУ «Шилка».

Здесь же обсудили связь. Наши радиостанции по частотам не совпадали, поэтому командир роты морских пехотинцев ввел в действие резервную радиостанцию на нашей частоте. Его позывной был «Монах». Радист спросил, какой у меня позывной. Я задумался, свой позывной давать не хотелось. Выручил один из моих бойцов, он предложил дать группе позывной «Гоблин». На том и порешили. Так я стал «Гоблином».

Подполковник торопил с началом штурма, и мы разошлись на боевые позиции. Задача осложнялась тем, что первый этаж здания, которое мы должны были штурмовать, был зарешечен. Вместе с командиром морпехов мы

попытались сбить решетки огнем «Шмелей», но безуспешно.

Едва мы подошли к арке и кинули туда дымовые шашки, как к нам прилетела граната из подствольника, заработал пулемет. Попробовали зайти со стороны скверика под прикрытием танков. Ближе всех подошел я, но когда спрятался за небольшим выступом, ограждавшим ступеньки в подвал, разорвалась граната РПГ-7. Какая-то неведомая сила откачнула метра на два назад, из разбитого носа потекла кровь. Пришлось вновь отойти.

Зашли с другой стороны дома. Тихо. Спрятавшись за ларьком, подтягиваю к себе группу. Подходит и штурмовая группа парашютно-десантной роты. «Слово» требует двигаться вперед, но мы медлим, тщательно изучаем местность. Заранее показываю бойцам их места после броска и объясняю план действий:

— Врываемся в проем выбитых окон магазина, там дверь, ведущая внутрь. Через нее проникаем в здание.

Здание напротив явно таило опасность. Там было тихо, но что-то подсказывало мне, что тишина эта обманчива.

— «Слово», я «Гоблин»! Нужно «Шилкой» обработать и взять под контроль здание на противоположной стороне улицы слева от меня.

Но в ответ слышал только: «Вперед!» Я бы продолжал требовать «Шилку», но тут командир взвода морских пехотинцев ринулся через улицу, за ним три морпеха. Мне ничего не остается делать, как дать команду разведчикам. Перебегаем улицу, занимаем позиции. Остальные морпехи бегут за нами.

Я лежу в небольшом проеме, прижавшись к стене здания. Вдруг из окна прямо надо мной открывают огонь из автомата. Несколько человек, залегших было на середине улицы, дернулись и затихли. Ранило в руку рядового Откидычева, лежавшего рядом со мной. Мой «Винторез» бесполезен. Выхватываю из рук оцепеневшего солдата автомат и, прижавшись к стене, открываю огонь по окнам. Первый этаж затихает.

Воспользовавшись паузой, даю команду заскочить в здание. Влетаем в бывший магазин и дальше — к заветной двери. Тут нас ждало разочарование. Дверь, через которую мы собирались проникнуть внутрь, вела в туалет. Мы оказались в западне.

Но тут заработала «Шилка», буквально по кирпичам разбивая здание, из которого палили боевики. Все, кто находился в магазине, тоже начали стрелять.

Вслед за этим с двумя пулеметчиками к нам прибежал подполковник. Я понял, что надо скорее входить в здание. Наскоро перевязав раненых Откидычева и Шелепова, отдав морпеху его автомат, мы вышли на улицу. В здание решили проникнуть через окно.

Повесив за спину ненужный «Винторез», достаю пистолет Стечкина: с ним в узком пространстве намного удобнее. Под прикрытием тройки прапорщика Орлова проникаю внутрь. За мной подтягиваются остальные бойцы. Из разбитой комнаты попадаем в коридор. За стенкой явно слышны голоса. Все приготовились, врываемся внутрь. Кричу:

— Бросай оружие!

Но среди сидящих на лестнице чеченцев никого с оружием нет. Чеченцы заявили, что они мирные жители, а боевики убежали. Подошедшая к нам штурмовая группа ПДР**, осмотрев дом, нашла много брошенного оружия.

Позже мы поняли тактику боевиков, которые при опасности бросали оружие и представлялись мирными жителями. Тогда, впопыхах, мы даже ни у кого не проверили документы.

Зачистка

Немного переведя дух и подсчитав потери, приступили к зачистке квартала. Необходимо осмотреть как минимум десять многоэтажных домов. Наступила ночь, и мы были вынуждены двигаться в темноте.

Дошли до «Исламского центра». Там тихо. Впереди большой двор, по периметру которого — девятиэтажные и пятиэтажные дома. Если в домах «чехи», то это настоящий огневой мешок. Прижимаясь к стене, мы медленно передвигались от подъезда к подъезду.

Вдруг заметил какое-то движение. Это человек. Вся группа укрылась в подъезде. Я лег на живот так, что мое тело находилось в подъезде, а голова и оружие на улице.

Окликаю:

— Медленно подними руки и иди сюда!

Но человек остается без движения.

— Считаю до трех! После этого стреляю!

— Раз!.. Два!.. Три!

На счете «два» у меня погасла лампочка подсветки сетки прицела ПСО-1. Бросок человека в подъезд и отсекающий три патрона выстрел из «Винтореза» произошли одновременно. Кажется, не попал.

Приготовив гранаты, мы подошли к подъезду, где скрылся убегавший. Со стороны лестницы, ведущей в подвал, заметили узкий лучик света. Приготовившись открыть огонь, начали спуск.

За лестницей небольшой коридорчик и просторное помещение. На входе стоит женщина и расширенными от ужаса глазами смотрит на нас.

— Пожалуйста, не стреляйте! Здесь только старики и женщины! — говорит она испуганным голосом.

Все еще не веря ее словам, осторожно входим в темное и сырое помещение. При тусклом свете свечи сидят около пятнадцати человек. Кроме стола, стульев и кроватей, принесенных из дома, там ничего не оказалось.

Это русские. Они жили в этом доме. Уезжать им некуда. Всю тяжесть этих событий, собравшись вместе, они переносили в подвале.

— А где боевик?

— Какой боевик?

— Тот, в которого я стрелял возле подъезда.

— Так это был не боевик. Это Михаил Филиппович, наш сосед по квартире, — тихо сказала одна из женщин. — Он решил посмотреть, что происходит на улице, и его тут же ранили.

Нам показали пожилого мужчину, державшегося за руку. Пуля лишь краем коснулась бицепса, распоров кожу. Быстро обработав и перевязав рану, прапорщик Орлов спросил его:

— Почему вы не подошли, когда мы вас звали? Хорошо, что ранили, могли и убить.

— Испугался очень! Сейчас все с оружием, и все стреляют.

Оставив жителям немного продуктов, бинты и лекарства, наша группа покинула подвал. Впереди горели пятиэтажные дома. Языки пламени вырывались из окон, с первого этажа доставая до последнего.

Проводить в темноте зачистки

*** ПДР — парашютно-десантная рота.*

бессмысленно, и мы вернулись к морским пехотинцам, доложив о результатах подполковнику «Слово».

К президентскому дворцу

Мы очень устали.

Сказывалось напряжение двух последних дней. В группе двое раненых, которые до сих пор оставались в строю. Я хотел вывести группу на консервный завод для отдыха, но БТР «Слова» доставил нас к зданию Театра юного зрителя, только что занятого подразделениями 276-го мотострелкового полка. Командир полка дал на отдых несколько часов.

Связист настроил радиостанцию, связался с бригадой в Моздоке и доложил обстановку. Удивительное дело: не имея контакта с подразделениями в двухстах метрах от нас, мы поддерживали устойчивую связь со своей бригадой, находящейся в двухстах километрах отсюда.

Минут через двадцать пришла радиограмма из Моздока. Командир бригады приказал немедленно вывести группу на консервный завод. Он был прав: группе требовался отдых, раненых надо было отправить в госпиталь, и мы не должны выполнять несвойственные РГ СпН функции.

Но в три часа ночи подполковник «Слово» собрал всех командиров и поставил новую задачу. Требовалось дойти до высотного здания, которое стояло на подходе к президентскому дворцу. Дело осложнялось тем, что перед зданием площадь, открытое место, где негде укрыться в случае обстрела. План не отличался от предыдущего: первой идет наша группа, затем подразделение морской пехоты. Тихо подойдя к зданию, мы должны ворваться внутрь и захватить его.

Я доложил, что моя группа не пойдет: что только что получил из центра радиограмму, предписывающую мне вернуться на консервный завод. Подполковник потребовал, чтобы группа осталась, угрожал доложить об этом Рохлину, обвинял в трусости. Но я был непреклонен. Тогда он попытался уговорить старшего лейтенанта Рахина — не помогло и это.

Морские пехотинцы заметно приуныли. Они и так про себя окрестили этого подполковника черным ангелом смерти. Где он появлялся — это означало движение вперед, а значит, потери и смерть.

«Слово» в тылах не прятался, всегда был на самом трудном участке. Без него штурм Грозного заметно бы замедлился. Сам он был из с 276-го МСП, но наступал силами морпехов и спецназовцев.

Сейчас я тоже знаю это неписаное правило войны. Ругать будут за потери в своем подразделении, потери в приданных подразделениях особого значения не имеют, поэтому их смело можно ставить на самый опасный участок. Бойтесь быть «приданными».

Ко мне подошел командир ПДР и попросил остаться. Его и остальных морпехов после штурма мы уважали, я заколебался. А когда подполковник заявил, что пойдет первым, решил посоветоваться с группой. В разведке каждый имеет право голоса.

Было решено, что мы идем. Только раненых Откидычева и Шелепова отправили в госпиталь.

Вперед послали тройку Рахина — осмотреть площадь и подступы к зданию. За ними двинулись мы. Подполковник, как и обещал, пошел первым, все мои попытки уговорить его стать в середине не увенчались успехом.

Ходить ночью в стреляющем Грозном опасно. Мусор, битое стекло, которое предательски хрустит под ногами. Продвигаемся вперед. Расставили подгруппы на противоположных сторонах улицы. За нами шли штурмовые группы ПДР. Добрались до последнего перекрестка. Отсюда просматривается площадь. Спрятаться негде.

Группа укрылась за небольшими кучами мусора. Морпехи легли прямо на перекрестке, да так плотно, что в темноте становятся похожи на баррикаду. Лежим без движения.

Вызвал тройку Рахина. Он сообщил, что дошел почти до здания и возвращается к нам.

Через минуту вижу, как пять темных фигур что есть духу несутся через площадь. Успел только подумать: «Странно, почему их пятеро? И зачем бежать через всю площадь, когда можно тихо пройти вдоль здания? Так нас всех могут обнаружить...»

Первые двое перепрыгнули через лежавших на перекрестке морпехов и скрылись в боковом проулке. Трое других внезапно остановились, а затем подбежали к нам. Увидев нас, они остолбенели. В камуфлированной форме, вооруженные автоматами, за спиной — вещмешки. В темноте отчетливо видно, как сверкают белки их глаз. На вопрос моего пулеметчика: «Вы кто?»

Ответ на ломаном русском:«Мы свои...»

На секунду у меня шевельнулась мысль: «Может, и правда свои. Может, это «Вымпел»?»

Но «стволы» этих троих медленно поворачивались в нашу сторону. Откуда-то справа раздался крик:

— «Духи!»

Стоявший напротив меня с воплем: «Аллах акбар!» — прыгнул в сторону, дав длинную очередь из автомата.

Одновременно с ним нажал на спусковой крючок и я. Слева прогрохотала длинная пулеметная очередь. Двое боевиков упали, третий, развернувшись, успел сделать три шага. Но тут огонь открыли морские пехотинцы. Пули буквально разрубили его тело. Все трое мертвы.

Быстрая перекличка подтвердила, что в наших рядах потерь нет. Даю команду осмотреть тела боевиков. К самому дальнему прополз сам. Быстро изъяли оружие и документы. Мое внимание привлекла кожаная коробка на шее боевика. Думая, что это радиостанция, я снял ее.

В это время откуда-то с высотного здания взлетела осветительная ракета. Бойцы, лежавшие прямо на перекрестке, оказались как на ладони. Туда, в самую гущу, упала минометная мина. Короткая вспышка, вверх летят человеческие тела. Затем кромешная тьма.

Слышны громкие крики и стоны. Бросились в то место, где взорвалась мина. Даже в темноте видна ужасная картина: разорванные человеческие тела и торчащие белые кости.

Подполковник дал команду на отход. Сделав импровизированные носилки из дверей шкафов и холодильников, оттащили раненых в сторону. Отойдя примерно на квартал, «Слово» поручил моей группе и взводу морпехов прикрыть отход остальных. Когда вынесут убитых и раненых, он пришлет еще взвод.

В доме перед площадью

Вернувшись на исходные позиции, мы закрепились в угловом доме перед площадью. Дом почти не тронут.

Распределив людей по комнатам и обозначив сектора обстрела, позволил себе и другим немного отдохнуть. Связался по радиостанции с подгруппой Рахина. Они доложили, что количество боевиков посчитать не смогли, но их там очень много. Обнаружили две позиции БМП и танк Т-72. Без артиллерии туда соваться нечего.

Через короткое время на связь вышел командир полка уральцев и попросил скорректировать огонь артиллерии. Выйдя из укрытия, я пытался управлять артиллерией. Дело осложнялось тем, что сетки координат на картах города у нас были разные. Единственное, что я мог, это кричать по станции:

— Левее! Правее! Ближе! Дальше!

Но и этого оказалось достаточно. Первый снаряд улетел за Сунжу, второй грохнулся возле нашего дома, остальные наконец стали попадать в цель.

Вернулся в дом. Усевшись в удобном кожаном кресле, стал рассматривать документы и то, что вначале принял за радиостанцию. Бумаги привели меня в изумление. Из них следовало, что их владельцы — иорданцы. Один из документов позволял проследить их попадание в Россию — через подставную фирму одной из кавказских республик. В кожаном футляре оказался фотоаппарат. Радист немедленно доложил об этом в бригаду.

Прибыл на усиление обещанный взвод морпехов. Они сказали, что на ближайшие три квартала мы одни. Чтобы выровнять оборону, пришлось отойти назад. Главное — продержаться до утра.

Через балкон я провел их к морской пехоте.

Под утро пошел снег. Рассвело. Мы рассмотрели высотное здание. Ночная работа артиллерии его разрушила еще больше. У всех, находившихся в доме, сели батареи питания на радиостанциях. Связи не было ни у нас, ни у морпехов. Поэтому когда мы услышали танковый рокот, то не сразу разобрались, наши это или нет.

Оказалось, что наши. Дальше развернулась очень интересная картина. Сначала на скорости выкатывал танк Т-80. Сделав выстрел по зданию, разворачивался и быстро отходил назад. За ним следом выскакивала «Шилка» и, расстреляв боекомплект, также исчезала. Мы вместе с морпехами открыли огонь по позициям боевиков, не давая им стрелять по бронетехнике из гранатомета.

Подобным образом работали танки и на параллельных с нашей улицах. Руководил ими «Слово». В военной смекалке подполковнику не откажешь.

Под вечер начали подходить части морской пехоты и 276-й МСП. Нас отправили на отдых на консервный завод.

На отдыхе

Сутки отоспавшись и приведя себя в порядок, я доложил капитану Нетто о проделанной работе. Из беседы с ним выяснилось: командир бригады недоволен тем, что от групп из Бердска, мол, доклады идут постоянно, а наши как в воду канули. Поступающие радиограммы едва расшифровывались.

Очень обрадовались встрече с лидером группы «ДДТ» Юрием Шевчуком. В армейском камуфляже и такой же небритый, как и все мы.

Играл он в одном из бывших цехов консервного завода. Затаив дыхание, бойцы слушали его песни. Звук, отраженный от стен цеха, разносился по залу. Звучали песни «Грянул майский гром», «Осень» и «Не стреляй». Последнюю песню, наполненную ненавистью к войне, его просили исполнить многие. Она стала чуть ли не гимном того периода штурма Грозного.

Прилетел начальник разведки. Вместе с ним прибыл замкомбрига.

Мы получили новую задачу. Теперь нам предстояло действовать вместе с мотострелковой дивизией вдоль реки Сунжа.

На Сунженском направлении

Штаб мотострелковой дивизии находился в здании какого-то учебного заведения. По количеству личного состава она едва могла сравниться с полком. При входе в Грозный по ней ошибочно отработала наша авиация, после чего дивизия стала и того меньше.

Нам была поставлена задача провести разведку маршрута наступления дивизии. Поделив маршруты движения между группами, мы начали медленно продвигаться в частный сектор.

В отличие от центра города здесь было место для укрытия от огня противника. В свою очередь и позиции боевиков определить было сложнее. Прошли несколько кварталов. На углу улицы — кирпичный дом. Во дворе дома перед нами предстала ужасная картина: шесть трупов наших солдат. Все убиты выстрелами в затылок. Оружия и документов при них не было. По всей вероятности, это были бойцы, попавшие в плен в новогоднюю ночь штурма. Об этой страшной находке мы сообщили по радиостанции командованию дивизии и двинулись вперед.

Поразило нас еще и то, что какие-то группы людей — по два-три человека — постоянно курсируют между позициями боевиков и расположением наших войск. При проверке они показывали документы жителей города. Цель своих передвижений объясняли тем, что идут за гуманитарной помощью на консервный завод, куда прибыли колонны МЧС. И правда, оказывается, были открыты гуманитарные коридоры, благодаря чему боевики получили возможность детального изучения позиций наших войск.

Мы прошли вперед еще полквартала. Вдали показались пятиэтажные дома, из окон которых по нам открыли огонь. Мы не стали рисковать и вернулись в расположение дивизии.

Ночью моей и бердской группе предстояло провести засады. Задачу нам ставил замкомбрига подполковник Харенко.

Мотострелки выставили слабо охраняемый блокпост в указанном нами месте. «Духи» обязательно должны были на него клюнуть. Перекрыв подходы, мы создали огневой мешок.

Спешили, так как необходимо было занять позиции до темноты. Быстро собрались. Выдвигаясь на позиции, в бинокль ночного видения внимательно просматривали перед собой местность. Добравшись, заняли позиции в угловом доме. Бердской группе отвели также угловой дом, но на соседней улице.

Через пять минут тишину разорвала пулеметная очередь. В то же мгновение на параллельной нам улице начался бой. По связи раздался крик:

— Бр-р-роню сюда-а! Срочно!!!

Впрочем, его было слышно и без радиостанции.

Вскоре БМП, в «десанте» которой находилась одна из групп Бердской бригады, под прикрытием двух других рванула вперед. Разорвались две гранаты, и все стихло. Набравшая скорость БМП проскочила место боя. Был слышен только удаляющийся рокот ее двигателя.

— Оттаскиваем раненых и отходим! — раздался в наушниках голос командира бердской группы Влада.

На своих позициях сидим тихо и в бой не ввязываемся. Единственное, чем мы могли помочь в этом случае, это не мешать. Но нас мучил вопрос: «Куда уехала БМП?» Вскоре опять ожила радиостанция:

— «Центр», я «Лиана». Не пойму, где нахожусь. Тут какая-то площадь, костер и какие-то люди!

— Это «духи»! — ответил «Центр». — Ты когда ехал, никуда не сворачивал?

— Не-ет!

— Ну так быстренько разворачивайся и дуй назад!

Вскоре послышался шум приближающейся БМП, которая благополучно вернулась в расположение дивизии. Только, как оказалось, десанта внутри нее уже не было. Четырех контрактников из Бердской бригады проинструктировали, что в случае остановки машины необходимо спешиться и занять круговую оборону, что они и сделали.

Каково же было их удивление, когда БМП развернулась и, оставив их посреди площади, рванула назад. Вернуться к своим они смогли только к утру.

Для нас эта ночь прошла тихо. У ребят из Бердска было двое раненых. Пулеметчику прострелило ноги, и командиру группы Владу рассекло осколком бровь.

Оказалось, что произошел встречный бой. Группа, выдвигавшаяся на проведение засады, столкнулась с боевиками, шедшими к блокпосту. Благодаря биноклям ночного видения разведчики обнаружили боевиков раньше и первыми открыли огонь. Во встречном бою тот, кто первым откроет огонь и развернется в боевой порядок, тот и выиграет. Выиграли разведчики.

После обеда следующего дня дивизия перешла в наступление. Задачи были поставлены грамотно, но управление терялось в среднем звене. Поэтому вся дивизия наступала по одной улице. Дистанция между машинами не соблюдалась. Солдаты прижимались друг к другу от страха настолько плотно, что превращались в одну большую мишень. Боевики здорово потрепали дивизию, но остановить не смогли.

На легковых машинах с вырезанным люком в крыше салона они выскакивали на перекрестки улиц и, произведя выстрел из гранатомета и дав пару очередей из автоматов, быстро скрывались. Дивизия несла потери, не успевая ответить огнем по юрким легковушкам, водители которых отлично знали местность.

В некоторых местах огонь вели группы боевиков, которые, также сделав пару очередей из автоматов, уходили через дворы.

Решили перекрыть одну из улиц, с которой вели огонь боевики. Вкатив во двор БМП, заняли удобную позицию. Прижатые к берегу Сунжи боевики не могли больше безнаказанно вести огонь, а пятеро из них оказались зажатыми в одном из переулков.

Спасаясь от нашего огня, эти пятеро боевиков бросились было в сторону дивизии. Однако поняв, что не спасутся, они резко развернулись и попытались перебежками проскочить участок, простреливаемый группой. От сосредоточенного огня не ушел никто.

Дивизия заняла троллейбусный парк. Мы вернулись на консервный завод.

Пропажа «Ориона». Взятие дудаевского дворца

Все очень устали, наступило истощение душевных и физических сил. Многих время от времени пробивала нервная дрожь, нападала бессонница. Группе требовался продолжительный отдых. Подполковник Харенко это понимал, и по его требованию в бригаде нам уже готовили замену. Больше наше участие в боевых действиях не планировалось. Группа готовилась встретить замену и убыть в Моздок.

Вечером офицеры и прапорщики решили немного снять напряжение. Когда солдаты, получив в качестве лекарства от стресса по кружке шампанского, были отправлены отдыхать, офицеры и прапорщики собрались за импровизированным столом. Под закуску из сухого пайка «Смирновская» водка пьется хорошо.

Когда все немного оживились и напряжение стало спадать, к нам подошел подполковник «Слово». Выглядел он очень озабоченно.

— Мужики, «Орион» исчез. Вчера ночью они ушли на гостиницу «Кавказ», и через час связь с ними пропала. Нужно идти искать.

Наше настроение враз переменилось. Желания куда-то идти у нас не было, но и отказать в подобной ситуации мы не могли. Вмешался подполковник Харенко.

— Они никуда не пойдут! Здесь принимаю решения и командую я!

Не буду описывать жесткий разговор двух подполковников. Харенко настоял на своем, мотивируя тем, что ни позывные, ни опознавательные сигналы не отработаны. Можно легко напороться на боевиков или, еще хуже, погибнуть от огня того же «Ориона».

Поиски были отложены до утра. Как оказалось, совершенно правильно: «Орион» нашелся сам. Ситуация была самая банальная — сели батареи на радиостанциях. Но взяли они не только гостиницу «Кавказ», но и президентский дворец.

Подойдя к гостинице и заняв ее, они долго наблюдали за президентским дворцом. Никого не было видно. Решили его осмотреть. Убедились, что там пусто. Командир решил не оставлять выгодной позиции до подхода основных сил. Доложить обстановку из-за отсутствия радиосвязи они не могли, вот и сидели, ожидая рассвета.

Весть о взятии дворца разлетелась по войскам мгновенно. Тут же наверх пошли доклады от различных военачальников. Естественно, подразделения, осуществившие штурм, назывались разные.

Оставалось водрузить знамя на развалинах дворца. Для охраны знамени пришлось выделить часть группы. Старший лейтенант Рахин и три бойца выехали с соответствующими начальниками. Военное телевидение запечатлело этот момент, но это уже были официальные версии событий.

Дождавшись замены, мы вернулись в Моздок.

Такого ада я больше не встречал ни разу за время чеченской кампании. Половина бойцов срочной службы, бывших со мной, разбежалась, а через полгода уволились и остальные. Контрактники, прапорщики и офицеры честно дотянули лямку этой войны. По ее окончании уволились и они. Сейчас из тех, кто был со мной в Грозном, в вооруженных силах не осталось никого. Передачи опыта не произошло.

Я тоже ушел из армии. Служил не за деньги, да их и платили немного, просто нравилась служба в спецназе. Государство нас за смертельный риск не отблагодарило никак. Ни жилья, ни приемлемой для жизни зарплаты. Сплошной обман. Но тогда об этом никто из нас не думал, мы были готовы воевать и рисковать своими жизнями.

Командир группы, сменившей нас в Грозном, Вова Черников, погиб через два дня от пули снайпера при попытке подорвать огневым фугасом штаб боевиков в районе троллейбусного парка. Подполковник с позывным «Слово» под Аргуном получил сильнейшую черепно-мозговую травму. Больше не воевал, из армии уволился.

Военную разведку в дни штурма хвалили мало. Лишь артиллерия создала ей нерукотворный памятник, превратив метким выстрелом надпись «СЛАВА ТРУДУ!» на одном из высотных зданий в районе площади Минутка в надпись «СЛАВА ГРУ..!»

ОТ САМАШЕК

Рассказы практика чеченской войны

Александр БЕРЕЗОВСКИЙ

Фото Василия ПРОХАНОВА

Хотя вторая фаза чеченской войны, начавшаяся с вторжения террористов в Дагестан, серьезно отличается от первой, рассказы участников кампании 1994 — 1996 годов нельзя пока отнести только к мемуарному жанру. Это прежде всего драгоценный боевой опыт. Не выкристаллизировавшийся, правда, еще в виде боевого устава, наставлений и инструкций, но вследствие этого еще более ценный.

САМАШКИ

В этой операции меня как офицера разведки направили на передовой пункт управления. Командование группировки тогда, в апреле 1995-го, находилось в Моздоке.

Большее внимание командование уделяло таким вопросам, как удержание Грозного, освобождение Гудермеса, Аргуна. Район Самашек считался достаточно спокойным, и никаких проблем на этом направлении не ожидалось.

Продвигаясь колонной к Грозному, мы должны были пройти через Самашки. В это время от разведчиков поступила информация: из Ачхой-Мартана, Бамута, Закан-Юрта к селу подошло достаточно крупное бандформирование, около 300 боевиков. По нашей информации, значительная часть населения Самашек принадлежала к тому же тейпу, что и Джохар Дудаев. Агентура представила список жителей этого села, получивших оружие от дудаевцев. Если верить списку, было роздано около двухсот семидесяти автоматов. Так что нам могло противостоять до 600 воооруженных боевиков.

Мы провели встречу с местным руководством, так называемыми старейшинами. Поставили перед ними требование: бойцы СОБРа и ОМОНа прочесывают село на предмет проверки паспортного режима и изъятия незаконно хранящегося оружия. После чего войска покинут Самашки, предварительно оставив на окраинах села блокпосты*.

На первых переговорах старейшины пытались отговорить нас от «зачистки». Мотивировали это тем, что, мол, подобная процедура совершенно несовместима с менталитетом чеченцев, равно как и сдача оружия, и паспортный режим. Надо сказать, что с подобной «аргументацией» мы сталкивались буквально в каждом населенном пункте.

Переговоры зашли в тупик. Осознав всю бесполезность разговорного жанра, перешли к делу: довольно твердо потребовали обеспечить сдачу оружия, чтобы затем провести проверку паспортного режима.

— Вы должны сдать двести семьдесят автоматов.

В ответ — протест:

— Да у нас в селе столько оружия не наберется.

Сунули под нос старейшинам список:

— Где эти «ребятишки»?

Они в ответ запричитали: «Этот в Москву уехал, тот тоже в России». И так далее. По их словам получалось, что ни одного из тех, кто значился в списке, в селе нет. Поняв, что провести нас все-таки не удастся, старейшины начали тянуть время: попросили два часа на сбор оружия. Потом — еще два часа... Таким образом мы простояли под Самашками три дня!

От агентуры мы узнали, что боевики в селе провели собрание жителей: собрали всех в клубе и стали запугивать местных. Под их давлением было принято решение: «русских в село не пускать».

Посчитав, что местных жителей удалось «уговорить», боевики великодушно бросили клич: «Кто хочет, может уходить из села». Те не заставили себя ждать — хлынул поток беженцев.

Глядя на потоки людей, уходивших из села, поняли — нам решили дать бой.

Первым делом наблюдатели и разведчики выявили огневые точки противника, окопы на окраинах и в глубине села, минные поля вокруг Самашек. Село было весьма толково подготовлено к обороне.

Население уходило главным образом в направлении Серноводска. Мы свободно пропускали людей через свои боевые порядки. Разве что проверяли документы и осматривали транспорт — нет ли оружия. Когда поток беженцев иссяк, можно было с полной уверенностью сказать: все, кто хотел выйти из села, — вышли.

Боевики исполнили на центральной площади свой воинственный танец — зикр и разошлись по позициям.

«ЯЗЫК»

К селу просто так не подойдешь — управляемые фугасы и минные поля были установлены боевиками почти по всему периметру окраин Самашек. Утром под прикрытием тумана к селу попыталась пройти разведка софринцев. Однако вскоре их БТР подорвался на мине (взрывом оторвало переднее колесо).

При отходе софринцам удалось захватить «языка» — мужика, который трудился на огороде. В ходе допроса выяснилось: русский, чеченцы выкрали его из Курска. По его рассказу, «приставили нож к горлу и вывезли в Чечню». Жил в одной чеченской семье на положении раба — ходил за скотиной, убирался, выполнял все хозяйственные работы.

Не выдержав, задаю вопрос:

— Ну а если бы ты отказался выполнять работу?

«Язык», не задумываясь:

— Тогда бы били, могли бы и убить.

— А бежать не пробовал?

— Да бежал тут один — чеченцы его поймали, голову отрезали и ходили, нам показывали...

По словам невольника, таких, как он, только в близлежащих домах было пятнадцать человек.

ГОТОВИМСЯ К БОЮ

Изначально штурм села не планировался. Однако, убедившись, что чеченцы настроены воинственно, мы провели определенную подготовку — разместили вокруг села БМПэшки, провели аэрофотосъемку. Четко обозначили секторы для штурмовых групп. Командиры групп тщательно изучили свои участки.

Попытались проделать проход в минном поле, но безуспешно: много мин-«ловушек», поставленных на неизвлекаемость. Пришлось применить УР «Дракон». Начиненный пластитом «Дракон» ухнул над полем — мины сдетонировали, в образовавшийся проход двинулась бронетехника.

ШТУРМ САМАШЕК

Первоначально операцию хотели начать утром, но потом передумали. Видимо, посчитали, что боевики будут также ожидать штурм в утренние часы.

Операция началась в 16 часов. Штурмовые группы броском достигли околицы. Напротив каждой из улиц группы разворачивались в боевой порядок и только после этого начинали движение в глубь села.

Первоначально сопротивление было не слишком сильным, нас обстреляли лишь в двух или в трех местах. Кстати, мы заранее предупредили старейшин, что, если по нам откроют огонь, войска отойдут на исходные, а обнаруженные огневые точки будут уничтожаться огнем танка, прямой наводкой.

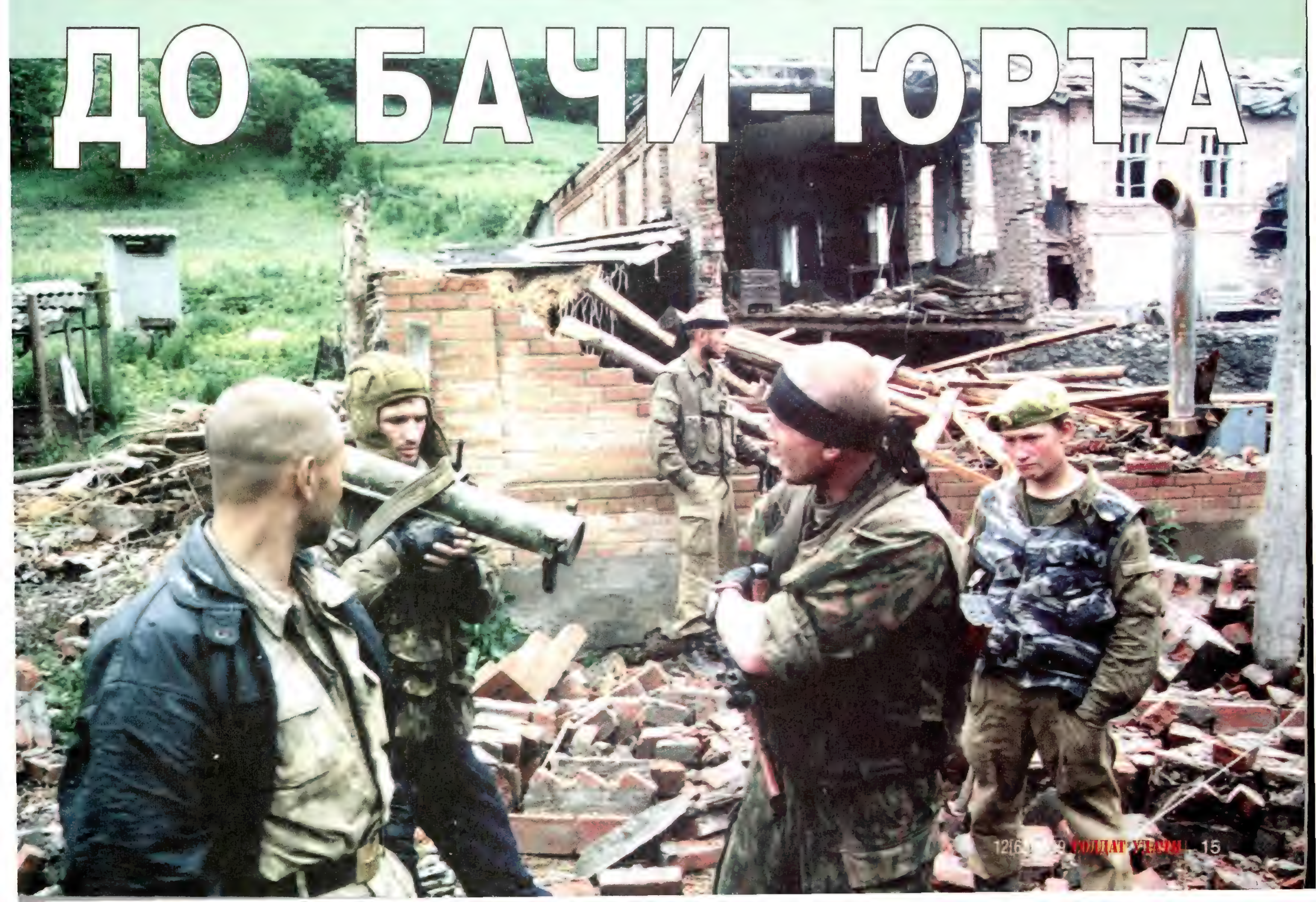
В начале завязавшегося боя так и получалось. Но чуть позже, особенно с наступлением сумерек, ситуация изменилась. Началась неразбериха. Одна из причин — в наших планах не был учтен овраг, который пролегал посреди Самашек. Дойдя до него, техника встала. Пришлось действовать в пешем порядке.

В центре села столкнулись с грамотно организованной обороной противника: во дворах и палисадниках были оборудованы огневые точки. К тому же боевики значительно лучше нас ориентировались в селе.

Это свое преимущество боевики стремились использовать максимально, в частности постоянно пытаясь заставить нас вести огонь друг по другу. Для этого они вклинивались в боевой порядок наступающих групп. Постреляют в обе стороны и быстро уходят. В результате штурмовые группы какое-то время ведут перестрелку друг с другом. Правда, все недоразумения удавалось быстро решить. Спасало наличие хорошей связи: у командира каждой группы была «моторола».

**** Честно говоря, эта тактика оправдала бы себя, если в каждом селении оставлялось подразделение для несения комендантской службы. Но этого не делалось, и тылы довольно часто оставались оголенными.***

ДО БАЧИ-ЮРТА

В ходе боя был убит один из командиров — старший лейтенант Максин. Радиостанция убитого попала к противнику, благодаря чему боевики, вклиниваясь в наши переговоры, попытались «корректировать» наш огонь. Попытки оказались безуспешными, так как у боевиков, видимо, не оказалось никого, кто бы говорил без акцента.

Было место и забавным эпизодам. Перед одним из бойцов кто-то выпрыгнул из-за забора. Тот ему: «Стоять! Кто такой?!» В ответ: «Эй, я — ОМОН, слюшай!»

«СПАСАЙТЕ РАНЕНЫХ!»

Сгущаются сумерки. Авиация над местом боя подвешивает гирлянды САБ**.

С одной стороны, это, конечно, позволяло нам хоть как-то ориентироваться. С другой — высвечивало нас противнику.

Первых пленных мы взяли около десяти часов вечера — семерых боевиков. Вывели их из села на поле, где расположилась застава, устроили там что-то вроде фильтра.

Большая проблема — обеспечить эвакуацию раненых. Ночь. Местность гористая. Вертолет так и не смог сесть, хотя мы обозначили площадку, мешал и огонь неприятеля. В результате несколько человек без квалифицированной медицинской помощи, которую можно обеспечить лишь в условиях госпиталя, умерли.

«ТОГДА СЧИТАТЬ МЫ СТАЛИ РАНЫ...»

К четырем часам утра прошли все село. С наступлением рассвета развернулись и прочесали его в обратном порядке. Оставшиеся в селе боевики попытались было прорваться к лесу, но напоролись на собственное минное поле. Огнем из стрелкового вооружения и пулеметов БТРов отсекли их от леса, оставшихся в живых боевиков накрыла наша минометная батарея.

На исходный рубеж перед селом штурмовые группы вернулись к двенадцати часам дня. В плен было взято около ста двадцати дудаевцев. Надо подчеркнуть, что факт участия задержанных в боевых действиях доказан: наличие оружия, документов, подтверждающих их принадлежность к НВФ. Около сотни боевиков погибли в ходе боя. Пленных отправили вертолетами в Моздок.

Мы потеряли убитыми двадцать шесть человек, около девяноста бойцов получили ранения. При штурме Самашек было подбито два наших танка и три бронетранспортера. Масштабы наших потерь явно опровергали тезисы дудаевской пропаганды о мирности села.

Я отделался контузией. В одном из дворов был колодец — асбестобетонное кольцо, к которому приделано длинное деревянное корыто — овечек поить. А за корытом — канава, что-то вроде арыка. На этом корыте я и присел перезарядить магазины.

Вдруг будто что-то толкнуло: поднимаю глаза — метрах в двадцати стоит боевик и целится в меня из гранатомета. Сгребаю в охапку автомат и пистолет и... через спину кувыркаюсь в канаву.

Следом за мной полетела граната. Ударившись о колодец, разорвалась. По мне сыпанули комья земли и камни. Спасло то, что взрыв произошел на открытом месте. А гранатометчика этого впоследствии наши ребята пристрелили.

БА-А-ЛЬШИЕ РАЗБОРКИ

Через неделю после штурма мне довелось сопровождать в Самашки комиссию С. Говорухина. К тому времени правозащитник С. Ковалев и один из его помощников А. Шабад подняли шумиху вокруг этого села, сравнивая его с Хатынью и Сонгми. Именно для расследования обстоятельств происшедшего и прибыл С. Говорухин — руководитель парламентской комиссии.

Мы обеспечивали охрану как его самого, так и сопровождавшей съемочной группы «Вестей». Прибывшие на место могли убедиться, что особых разрушений в селе не было. Да и откуда им было взяться: бомбово-штурмовых ударов не наносилось, самым большим калибром применяемого вооружения был гранатомет и РПО «Шмель».

Говорухин общался с жителями села. Порой при этом он удалялся от нас настолько далеко, что заставлял беспокоиться о его безопасности. Возможно, он делал это преднамеренно, полагая, что чеченцы вдали от нас будут откровеннее. Излишняя предосторожность — наше присутствие их не слишком смущало. Несмотря ни на что, Говорухин показался мне человеком довольно отважным.

После беседы с чеченцами наша группа двинулась по селу и была обстреляна. Заняли оборону, под прикрытием БТРа стали выводить из села Говорухина и телевизионщиков.

Во время обстрела я спрыгнул в канаву, под мостик. Под деревянными сваями — свисает провод, как от полевого телефона. Мина! А над головой, по мостику, как раз сейчас должен пройти БТР.

Не задумываясь, рубанул по проводу ножом «ОЦ» и лишь потом испугался — мину или фугас могли поставить на размыкание.

Пошли по проводу, который привел нас в землянку. Посредине — телефонный армейский коммутатор: ручку накручиваешь, два штекера вставляешь, и фугас срабатывает. Лежат около сотни мин: ТМ-72, МОН, заряды аммонала, детонирующий шнур с взрывателями... Все это мы извлекали перед камерой телевизионщиков и в присутствии Говорухина.

Гораздо позже узнал из газет обо всех «зверствах», якобы сотворенных нами в селе Самашки. Могу со всей ответственностью сказать: все это ложь чистейшей воды. Это, кстати, подтверждено и заключением комиссии Государственной Думы.

ПРОГУЛКА НА БЕЛОМ КАБРИОЛЕТЕ

Учтя опыт Самашек, в дальнейшем мы продвигались, используя все меры предосторожности, с тщательной разведкой местности. Уже взяли Ачхой, подходили к Бамуту. Получили приказ произвести разведку окрестности села.

Выдвинулись на двух БТРах. На одном — разведчики, на другом — спецназовцы. Первыми идут разведчики, спецназовцы их прикрывают.

Впереди — ферма. За строением — пролесок, вплотную прилегающий к подножию Бамутских гор. Оставив технику в лесочке и перейдя ручей, вплотную подошли к ферме. Внутри — пусто, если не считать двух тощих овец. Через некоторое время нашелся и «пастух», во всяком

*** САБ — тип авиабомбы, применяется для подсветки местности.*

Когда мы с лесником падали, я его случайно локтем под ухо двинул

случае, он так представился. В его хибаре обнаружили цинки из-под патронов, пустые пулеметные ленты. Сам этот «скотник» — русский, лет тридцати, довольно спортивного вида — при себе документов не имел.

Задержав его до выяснения личности, двинулись обратно. Территория вокруг занята противником, мешкать некогда. Чтобы «скотник» в пути пошевеливался и нас не тормозил, пришлось применить маленькую военную хитрость.

Связав ему руки сзади, вложил в руки электропатрон: «Смотри, мужик, это граната, усики чеки которой разжаты. Один конец проволоки к кольцу привязан, другой у меня в руке. Дернешься — тебе конец». Поняв, что от него требуется, задержанный вприпрыжку бросился вперед, порой даже обгонял меня.

Пересекли огромное поле, через которое проходил сухой, местами поросший камышом арык: глубиной — метра три, а шириной — до пяти. По нему к ферме вышли, по нему и отходили.

Уже прошли километра полтора, когда увидели, что с горы спускается всадник, явно спешит к ферме. Взяв под локти, приподняли «скотника» над краем арыка: «Посмотри, кто это?»

— А-а, это наш местный лесник.

Лесник — это находка. Даже если он с боевиками не связан, в любом случае все их расклады знает: что и где в горах творится. Решили и его прихватить.

Но лесник-то по полю открыто едет, а мы пешком по арыку, да еще согнувшись. Скинули бронежилеты, чтобы легче было бежать. Побежали втроем: командир разведроты, один прапорщик и я.

Перехватить лесника удалось в тот момент, когда он пересекал арык возле фермы. Я встал с одной стороны за заборчиком, а ребята — с другой в кустах притаились. Прыгнул на него сзади, ребята под уздцы лошадь схватили. Когда мы с лесником падали, я его случайно локтем под ухо двинул. Выпав из седла, всадник хлопнулся о землю и застыл.

«Кажется, все — помер». От этой мысли такая досада взяла! Получается, мы полтора километра неслись, обгоняя лошадь, чтобы ценного «языка» убить. И перед ребятами неудобно. В сердцах пнул чеченца под ребра: «Ах ты, скотина!» Тот застонал. «Ой, да ты живой!» Схватив за плечи, растрясли его. Открыв глаза, лесник посмотрел на нас:

— Вы кто?

— Свои.

— Э-э, если вас так мало, то мне за вас так скучно!

— А чего это тебе за нас «скучно»?

— Да к ферме сейчас пятнадцать человек с «красавчиками»*** подходят.

Действительно — скучно. Мы лесника и лошадь в охапку — и бегом по арыку.

Когда до своих оставалось метров триста, с фермы по нам открыли огонь. Слава Богу, боевики не догадались стрелять вдоль арыка. Иначе нам бы конец был — арык-то прямой.

Наш отход прикрыли с позиций. Вскоре и БТРы выскочили. Мы лесника со «скотником» внутрь «брони» забросили — и ходу.

Когда выходили в разведку, наш путь пролегал через расположение батальона. Пока мы у фермы были, боевики, подъехав на белом джипе, этот батальон обстреляли. Но об этом нам стало известно позже. А пока едем по полю на двух БТРах, ведем кобылу на поводу. Заметили, что вдоль леса петляет белая машина без верха, ветровое стекло опущено на капот. В бинокль разглядели — пятеро бородатых мужиков с оружием. По всей видимости, они нас пока не заметили. Один БТР пошел за белым автомобилем, а другой — наперерез.

Наше появление на этой территории оказалось для противника полной неожиданностью — они со спокойной душой возвращались домой, обстреляв батальон. Когда БТРы на них выскочили, они ситуацию оценили быстро: начали оружие и прочий «компромат» из машины выбрасывать. Однако мы все это собрали, их с машины сняли, связали и в БТР запихнули.

Белый «кабриолет» оказался «ГАЗ-69». При советской власти на нем, видимо, ездил председатель колхоза или какой-то другой уважаемый человек. Я сел в машину: не бросать же такую роскошь.

Когда мы к ферме выходили, то реку переезжали вброд. БТРу там по колесо, а на «козле» — утонешь. Думаю, перейдем реку по мостику прямо напротив расположения батальона, заодно и расстояние сократим. А БТРы потом подтянутся.

На этом драндулете и выскочили на пригорочек, как раз перед батальоном. А по нам — шквал огня! Потом ребята из батальона рассказали, что просто обалдели от наглости «духов»: только что обстреляли позиции, а через полчаса вновь появились, да еще на открытом месте.

Со мной в машине было еще трое разведчиков. Мы ракеты пускаем: «Не стреляйте! Свои!» Стрельба не сразу, но прекратилась.

Подъехали ближе:

— Чего по своим палите?

— «Свои» все дома сидят. А с этой машины нас полчаса назад обстреляли.

Через некоторое время подошли БТРы. Из их бронированного чрева вытащили «чехов»:

— Вот кто по вам стрелял!

Как оказалось, все задержанные: и «лесник», и «скотник», и экипаж «кабриолета» — прекрасно знали друг друга, так как состояли в одной банде.

СМЕРТЬ РАЗВЕДЧИКА

19 мая 1995 года два БТРа разведчиков попали в засаду у Бачи-Юрта. К этому моменту части ОДОНа стали стягивать со всей Чечни в район Хасавюрта, в поле Гамиях — для дальнейших действий в Ножай-Юртовском районе. Это была так называемая тактическая группа «Восток». Первый полк ОДОНа находился в Гудермесе, и ему была поставлена задача выйти на Ичхой-Юрт.

Разведчики пошли на изучение маршрута. Трасса Гудермес — Хасавюрт занята боевиками, пришлось искать обходные пути. Через Белоречье, с южной стороны Гудермесского хребта, группы разведчиков дошли до Бачи-Юрта. В нескольких километрах от этого населенного пункта их обстреляли со склона горы боевики, выскочившие на трех мотоциклах с колясками. Ответным огнем два мотоцикла были уничтожены, а один стал уходить к Бачи-Юрту. Наши рванули за

*** *«Красавчиками» чеченцы прозвали пулемет ПК.*

Последними словами офицера были: «А у меня ребенок родился». Кто-то из чеченцев дважды выстрелил ему в голову из пистолета

ним в надежде получить ценного «языка».

По дороге к селу располагался ряд ферм. Поравнявшись с ними, мотоциклист что-то прокричал и въехал в село. Разведчики не стали входить в Бачи-Юрт: слишком уж далеко оторвались от своих, да и связи с базой не было, через горный хребет радиостанция «не пробивала».

Командир группы разведчиков майор Дмитрий Чуханов принял решение возвращаться. Когда их БТРы поравнялись с фермами, по ним ударили почти в упор, с двадцати метров. Спешились и, прыгнув в канаву, открыли ответный огонь.

Одной из первых пуль был смертельно ранен в голову Чуханов. Упав с БТРа, уже фактически мертвый, на рефлексах, поднялся, медленно пошел рядом с БТРами. Сел в канаву вместе с бойцами, положил на землю винтовку, схватился за голову и упал на бок. Его бойцы потом признались, что подобное зрелище не для слабонервных — их мертвый командир продолжал еще какое-то время воевать.

В том бою почти сразу погибло еще шесть человек, трое были тяжело ранены. В живых остались только стрелки и водители бронетранспортеров.

Старший лейтенант Васюченков, тоже раненый, распорядился загрузить тех, кто не мог двигаться, в БТР (тела убитых собрать не было возможности) и отходить. Сам остался прикрывать.

Скрываясь за высокой травой, он вышел к постройкам рядом с фермами и открыл огонь по неприятелю с фланга. Вел бой, пока не расстрелял весь БК.

Когда оставшиеся в живых бойцы сумели добраться до своих, по тревоге был поднят «Витязь».

Прибыв на место трагедии, бойцы «Витязя» увидели, что трупов уже не было — только лужи крови и характерные следы боя. По офицерскому жетону удалось обнаружить разве что место гибели Саши Васюченкова. Перед смертью Саша сорвал его с себя и отшвырнул в сторону, — мы его нашли. И, видимо, в последние мгновения жизни написал своей кровью на стене сарая краткое: «ОДОН».

ЗЛОСТЬ И БОЛЬ

Мы взяли местных авторитетов и провели с ними работу. Мне выпала роль «злого следователя». Хватал их за грудки, тряс, орал: «По телевизору Самашки видел? Сейчас вам устроим!» (Редкий случай, когда антироссийская пропаганда работала на нас.) «Вах! Видэл Самашки! Вах, нэ надо Самашки! Зачем Самашки!» И они бросались ко второму, «доброму» офицеру: мол, трупы отдадим, все сделаем, только успокой этого бешеного.

Трупы отдали все, кроме Сани Васюченкова. А тут на меня вышел начальник разведки 76-й, Псковской, ВДД. Он сообщил, что чеченцы из Новогрозненского привезли к ним тело бойца, судя по обмундированию, разведчика. В этом районе действовали только десантура и мы. У них все были целы, так что это — наш.

Причем чеченцы тело обмыли, привезли на хлебовозке. Они рассказали, что тело к их селению подбросили бачи-юртовские, видимо, для того, чтобы спровоцировать против них репрессии: «Мы нормальные люди, нам эта война не нужна, и бойца вашего убитого нам крайне жаль». Мы взглянули на труп. Точно — Саня.

Чуть позже захватили нескольких его убийц. Допросив их, сумели представить себе последние минуты его жизни.

Своим огнем Саня сумел здорово прижать противника, благодаря чему БТРы ушли практически беспрепятственно. Боевики спохватились и начали охватывать его позицию с флангов. Раненный в живот, с перебитыми ногами, разведчик продолжал вести бой. Лишь после того, как у него закончились боеприпасы, чеченцы сумели подойти к нему.

Саня, видимо, уже умирал от потери крови. В одной руке держал автомат, в другой — пистолет, которые он продолжал направлять на подошедших чеченцев, впустую нажимая на спусковые крючки. Подойдя, боевики вырвали оружие у истекающего кровью офицера и завели свою обычную в таких случаях песню: «Что, отвоевался, да, отвоевался!» Васюченков откинулся назад к стене сарая. Он смотрел как бы сквозь них и улыбался, словно его взгляду открылось что-то радостное. Как признался допрошенный нами боевик, последними словами офицера были: «А у меня ребенок родился». Кто-то из чеченцев дважды выстрелил ему в голову из пистолета.

Когда Васюченков уезжал в Чечню, его жена была беременна. Родилась девочка, ее назвали Сашкой, в честь отца.

По моему глубокому убеждению, он достоин звания Героя России. Попав в критическую ситуацию, он позаботился обо всех и обо всем. Кроме себя.

Один из бойцов-контрактников был ранен в обе ноги. Одну ногу ампутировали, вторую с большим трудом «собрали». Пролежал он в госпитале полтора года. Там познакомился с медсестрой, они поженились, сейчас ребенок растет. Инвалиды на гражданке не нужны. Мы сумели добиться, чтобы его оставили у нас. Сейчас он служит техником разведроты. Скажу без преувеличения — специалист экстра-класса.

«ЭДЕЛЬВЕЙС»

Одна из особенностей этой странной войны, которая доводила нас буквально до бешенства, — это то, что одни и те же села мы проходили и зачищали по нескольку раз. В конце концов я настолько изучил местность, что мог воевать там с завязанными глазами.

Довелось мне побывать начальником разведки группы «Эдельвейс», которую возглавлял генерал В. Шаманов. Думаю, что действия этой группировки были примером высокоэффективной и слаженной работы подразделений и частей различной ведомственной подчиненности: МО, Внутренних войск, милиции.

В состав группы входили две мотострелковые бригады, отряд спецназа и полк Внутренних войск, а также приданные силы — СОБР и ОМОН. С ней я прошел по второму, а кое-где даже и по третьему кругу через Гудермесский хребет, через все эти аулы — Алерой, Центорой, Бачи-Юрт, Шали.

Тактика борьбы с боевиками была детально отработана. Действовали так: бригады обходят село, выставляют на господствующих высотах танки и пушки, наводят прямой наводкой на село. Делалось это демонстративно, так, чтобы противник мог лицезреть стволы внушительных калибров. Как правило, этот аргумент был весьма убедительным.

Первыми в селение входили Внутренние войска. Вторым эшелоном шла милиция, которая занималась проверкой паспортного режима, поиском оружия. Если же завязывался бой, то ВВ осуществляли непосредственно силовую акцию, действовали, как таран, а омоновцы и собровцы проводили зачистку от боевиков. Все это было организовано настолько грамотно, что никаких проблем не возникало. Не было и никаких межведомственных разногласий.

Как правило, мы располагали исчерпывающей информацией о количестве оружия в селении, о наличии боевиков. Вплоть до того, что могли сообщить командирам штурмовых групп, на какие из домов следует обратить особое внимание.

Добиться от чеченцев сотрудничества бывало не слишком сложно. В том же Бачи-Юрте я знал, в каком доме какой боевик живет. Там был ценный информатор, который пошел на контакт по причине властолюбия: «Только, командир, когда уезжать будете, скажи, что я буду здесь начальником». Он представил мне подробнейшие списки. Включил туда, правда, и всех своих личных врагов. Но каким бы я был разведчиком, если бы использовал только один источник информации...

Войска еще приступают к одной деревне, а мы уже работаем в следующей. Всегда старались создать себе солидный задел, чтобы командующий имел информацию для принятия решений. И выходило у нас неплохо.

Публикацию подготовил
Борис ДЖЕРЕЛИЕВСКИЙ

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ЧЕЧНЕ В НОЯБРЕ И ДЕКАБРЕ

В результате проведения федеральными войсками антитеррористической операции зона безопасности в Чечне расширилась до 6 районов, что составляет две трети территории республики. Войска Объединенной группировки освободили от бандформирований 98 из 119 населенных пунктов в 7 районах Чеченской республики

ХРОНОЛОГИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В ЧЕЧНЕ

1 - 15 ноября

Войска РФ блокировали второй по величине и значимости чеченский город Гудермес. Грозный полностью блокирован с юга.

Сотрудниками МВД РФ контролируются 46 населенных пунктов на освобожденной территории Чечни

16 - 30 ноября

Из 108 населенных пунктов шести районов Чечни 80 находятся под контролем федеральных сил.

В Грозненском районе из 31 населенного пункта от боевиков освобождены 9, в Гудермесском из 20 - 14

1 - 12 декабря

Освобождены третий по величине чеченский город Аргун и Урус-Мартан. Завершается блокирование Грозного.

Основные силы боевиков сосредоточены в Грозном и в предгорных районах Чечни, в населенных пунктах Ведено, Харачой и Кенхи

Потери Федеральных сил в Чечне и Дагестане:

Погибло: 379 чел.

Ранено: 1033 чел.

Вернулось в строй: 498 чел.

Данные на 9 декабря

Действия ВВС с начала операции в Чечне:

Всего вылетов: 3600

Вылеты Су-25, Су-24: 3113

Данные на 17 ноября

Ситуация в Грозном:

Объединенная группировка войск на Северном Кавказе завершает блокирование Грозного. Боевики проводят поголовную насильственную мобилизацию мужского населения города. Бандиты препятствуют выходу мирных жителей из Грозного по открытым коридорам безопасности, рассчитывая использовать их в качестве «живого щита» или заложников

в районе аэропорта Ханкала боевики совершили подрыв емкостей с 8 т хлора и 1 т аммиака

Численность боевиков: около *4 тыс.**

Численность мирных жителей: 15-30 *тыс. чел.**

** - по оценкам военных*

Пресс-служба Минобороны РФ, Генеральный штаб Вооруженных Сил России, Штаб Объединенной группировки на Северном Кавказе

Борис ДЖЕРЕЛИЕВСКИЙ
Фото «Известия», Андрея ЕГОРШЕВА

ВОЙНА В СТРАНЕ ГОР

ЦУМАДИНСКИЙ РАЙОН

Одним из первых, кто вступил в бой с террористами, был Дагестанский СОБР. Группа бойцов отряда вылетела к месту боев на «вертушках». Поступило тревожное сообщение, что боевики предприняли штурм районной больницы. Действительно, когда собровцы прибыли на место, со стороны больницы доносились звуки боя. Развернувшись в боевой порядок, бойцы двинулись туда, где подразделение 102-й бригады и сотрудники Цумадинского РОВД уже вели перестрелку с террористами.

После четырехчасового боя боевиков оттеснили от райцентра. Потери противника — одиннадцать убитых и двадцать один раненый. Позже стало известно, что еще четверо бандитов умерли при транспортировке.

Район боя боевики покидали на пяти грузовиках. При их движении в направлении Агвали три машины были уничтожены. Оставшимся боевикам удалось спастись лишь благодаря тому, что у бойцов 102-й бригады, ведущих по ним огонь, заклинил АГС.

На следующий день преследующие отступавшего противника части дошли до Хвашнинского моста, за которым среди почти отвесных скал змеей извивается дорога. Пришлось двигаться под непрерывным огнем мятежников. Для обеспечения безопасности спешившиеся бойцы образовали своего рода кольцо, в центре которого находилась бронетехника. И так, шаг за шагом, постепенно выбивали засевших бандитов. С применением такой тактики было освобождено несколько сел: Эчеда, Хванихванда, Сантлада, Эчедамайдан и другие.

В этот период многочисленные сообщения СМИ гласили: «Боевики ушли из Цумадинского района». На самом деле противник был выбит после ожесточенных боев. А в некоторых случаях — откровенно бежал, побросав технику, оружие и боеприпасы. Например, боевики оставили машину ГАЗ-66, груженную МОНками, патронами 7,62x54, осколочно-фугасными минами и гранатометами. В районе селений, еще недавно находившихся под контролем противника, было захвачено несколько минометов (главным образом самодельных), ПКМ.

Можно предположить, что такое ожесточенное сопротивление, с которым столкнулись боевики в Цумадинском районе, было для них неожиданностью. По словам местных жителей, террористы дошли до их селений в состоянии крайнего утомления: «Только сядет на стул — сразу же засыпает». Как показал осмотр освобожденных сел, каких-либо особых приготовлений к обороне боевики там не делали. Как будто и не предполагали, что придется воевать. Однако серьезные «заготовки» у бандитов в этом районе все же были.

Сегодня стало известно, в большинстве сел района были свиты ваххабитские гнезда. В Эчеде главарем местных экстремистов был некто Магомед Магомедрасулов по кличке Мукус, в Сильди — Магомед Ибрагимов, в Кванде — Ангута Магомедов по кличке Аюб. Кстати, один из главарей дагестанских мятежников Багаудин Магамедов — родом из Цумадинского района.

В некоторых ваххабитских ячейках насчитывалось до нескольких десятков человек. Многие из них приняли участие в боевых действиях на стороне

бандитов. Но большинство жителей района не только не поддержало агрессора, но и оказывало всемерное содействие правительственным войскам. Командир Дагестанского СОБРа полковник Арзулум Ильясов рассказывал, что джамааты (общины) сел района встречали их как освободителей.

Если оценить ситуацию, сложившуюся после вторжения боевиков на территорию Дагестана, можно сделать довольно неожиданный вывод. Несмотря на всю ожесточенность, с которой отступал противник, Цумадинское направление для боевиков было скорее всего второстепенным.

БОТЛИХСКИЙ РАЙОН

В Ботлихском районе нашим войскам пришлось столкнуться со значительно более серьезным сопротивлением мятежников. В отличие от Цумадинского района боевики заранее создали здесь в скалах полноценные укрепрайоны с бункерами, способными выдержать прямые попадания гаубичных снарядов. О серьезности намерений боевиков говорило и их вооружение: минометы, безоткатные орудия, ПТУРы, крупнокалиберные пулеметы «Утес» и ДШК, ПКМы. В качестве трофеев было захвачено и большое количество снайперских винтовок. По словам участников освобождения этого района, противник достаточно грамотно организовал систему огня, связь и, конечно, разведку.

ТАКТИКА БОЕВИКОВ

Бандиты обладали мощной агентурной сетью среди местного населения, активно пользовались современными средствами радиотехнической разведки, преимущественно западного производства. В тактическом плане успешно применялись методы афганских душманов. Всего несколько человек могли длительное время противостоять целым подразделениям наступающих войск. В скалах оборудовалось несколько запасных позиций, где оставлялись боеприпасы к стрелковому оружию и гранатометы с выстрелами. Позиции соединялись ходами сообщения, по которым можно быстро и скрытно перемещаться.

Любые попытки штурма господствующих высот и населенных пунктов в этой ситуации приводили к неоправданным потерям. По такому сценарию развивалась трагическая ситуация на высоте «Ослиное ухо» — многочисленная группа российских десантников была буквально выкошена огнем противника, располагавшегося на хорошо укрепленных позициях.

Сделав определенные выводы и стремясь свести свои потери к минимуму, российское командование сделало основной упор на использование артиллерии и авиации. Такая тактика полностью оправдала себя. Более того, она оказалась неожиданностью для мятежников. В их рядах стали отмечаться случаи паники и дезертирства. По агентурным сообщениям и из допроса пленных стало известно, что на третий-четвертый день после нанесения массированных ударов Басаев и Хаттаб покинули территорию Дагестана, иными словами — попросту бежали.

Бомбово-штурмовые удары авиации уничтожали участки серпантинных дорог, по которым осуществлялось сообщение с Чечней. Часть боевиков, брошенных своими командирами, горными тропами пробиралась назад, в Чечню. Другая часть пыталась просочиться поодиночке через боевые позиции наших войск, рассчитывая скрыться на территории Дагестана. Бойцы СОБРа задержали в Ботлихе шестнадцать человек. Доказан факт участия в боевых действиях на стороне мятежников четырнадцати из них.

Как и в Цумадинском районе, вторгшихся боевиков удалось достаточно быстро локализовать. Туда оперативно перебросили боеспособные части и начали методично и не спеша выбивать захватчиков.

КАДАРСКАЯ ЗОНА

Хотя российским спецслужбам было известно о мятежном анклаве в Буйнакском районе, операция по его ликвидации началась более чем странно. В село Карамахи вошли бойцы Дагестанского ОМОНа и внутренних войск. Бандиты впустили их беспрепятственно. Группа капитана Сержутдина Алиева оказалась практически в центре села, у самой мечети. И тут мятежники ударили.

По словам выживших очевидцев того боя, началось отчаянное сопротивление. Старшина ОМОНа Аббас Шихсаидов отстреливался до последнего патрона,

Командир Дагестанского СОБРа Арзулум Ильясов

Как создается «гуманитарная катастрофа»

Для чего создается «гуманитарная катастрофа», понятно всем. Другое дело, что о способах ее создания мало кому известно. Вот некоторые из них.

1. Создание скопления беженцев на пунктах пропуска. Для этого есть несколько способов.

Например, можно отключить электричество на контрольно-пропускных пунктах. Всех беженцев надо проверять — не находится ли кто в розыске, машины тоже — не угнанные ли. Отключение электроэнергии вызывает сбои в работе компьютеров, задержку прохода людей и соответственно скопление беженцев перед КПП.

Можно также не давать транспорта для вывоза беженцев, уже прошедших все необходимые проверки. В первые дни власти Ингушетии присылали за беженцами на КПП «Кавказ-1» всего один автобус. Это продолжалось до тех пор, пока военные и милиционеры не стали их вывозить собственным транспортом.

2. До полутора тысяч человек так называемых беженцев на самом деле просто передвигаются по кругу: КПП «Кавказ-1» — Ингушетия — Северная Осетия — северные районы Чечни и, наконец, снова КПП «Кавказ-1». На каждом кругу они заново регистрируются в органах Федеральной миграционной службы (ФМС), получают деньги и гуманитарную помощь, которая потом выгодно продается в Ингушетии или же в Чечне. Именно эта категория «пострадавших от военных действий» при появлении правозащитников или западных корреспондентов начинает шуметь о «нарушениях прав человека» со стороны федеральных войск. Кстати, справку об уничтожении имущества в ходе военных действий можно получить, заплатив пятьсот рублей.

3. Дезинформация журналистов, работающих в зоне конфликта. Этим занимается специальная агентура. Несколько примеров.

В начале ноября съемочная группа телекомпании НТВ приехала в станицу Калиновская. К телевизионщикам тут же подбежала женщина. В начале девяностых она была одним из инициаторов выселения русских, кумыков, ногайцев и прочих инородцев из станицы, в настоящее время, по оперативным данным, — «духовская», связная. Эта тетка тут же начала кричать в камеру, что в станице полно беженцев, каждый день умирают дети и старики. В действительности же за месяц после освобождения Калиновской от боевиков там умерли всего два человека: один от рака, другой — от цирроза печени.

У поста ингушской милиции перед КПП «Кавказ-1» постоянно отираются один-два человека, поджидающих заезжих корреспондентов. Их легко опознать по фразе: «Журналист? Ты всю правду напиши!» «Правда», по их мнению, заключается в том, что федералы вместо боевиков уничтожают мирное население, не пропускают беженцев и так далее. В ответ на просьбу привести конкретные факты — либо сказки, либо тишина.

Аналогично проводится работа в самой Чечне. Здесь к «фактам», описанным выше, как правило, добавляются душераздирающие истории о съеденных солдатами последних коровах и расстрелянной сельхозтехнике. При этом почему-то никто не видит, что стада «съеденных» коров спокойно пасутся вокруг, а «расстрелянные» комбайны на самом деле разукомплектованы и проржавели много лет назад.

Иногда, впрочем, журналистов и дезинформировать не надо. Бойцы курского ОМОНа, несущие службу на КПП «Кавказ-1», рассказывали, что, когда, они помогают женщинам и старикам грузиться в машины, камеры съемочных групп направлены в другую сторону, но стоит только повернуть оружие в сторону толпы, как сразу же набегает толпа журналюг, снимающих «издевательства над беженцами».

Несмотря на все заявления ингушских руководителей о том, что жители Ингушетии принимают у себя беженцев из братской республики, картина далеко не так безоблачна, как это представляет в многочисленных интервью Руслан Аушев.

Да, родственников и друзей ингуши принимают у себя бесплатно. Нередки случаи, когда готовы приютить и абсолютно незнакомых людей. Однако часто бывает и наоборот. Цены на аренду жилья в Ингушетии достигли московского уровня. Один чеченец, бежавший с семьей из Серноводска, сообщил, что, снимая половину дома в частном секторе в Назрани, платил каждый месяц по сто долларов. Через два месяца деньги закончились, и ему пришлось с женой и четырьмя детьми возвращаться в Чечню. Стоимость аренды холодного щелястого сарая в Слепцовской достигает ста рублей в месяц...

после чего гранатой подорвал себя и двух бандитов. Так же поступил и другой боец — Раджаб Зуманов. В общей сложности погибло тринадцать человек. Удалось спастись двоим: раненному в обе ноги Мураду Шихрагимову, который полз к своим двое суток, и тяжелораненому бойцу, которого он вытащил. Попавшие в плен омоновцы были разрублены на куски.

Вскоре после этого случая на горе Чабан нарвалась на засаду разведгруппа спецназа внутренних войск. Итог боя трагичен: четверо погибли, шестнадцать человек получили ранения.

Лишь после этих случаев была вновь применена тактика, опробованная еще в Ботлихском районе: массированное применение авиации и артиллерии. Однако фортификационные сооружения боевиков были такими, что в них можно было обороняться не меньше месяца. Запасов же продовольствия, медикаментов и боеприпасов хватило бы и на больший срок. Об этом российское командование узнало позже, когда у боевиков попросту не выдержали нервы: на десятый день непрерывных обстрелов и атак они стали разбегаться. Но даже после освобождения Карамахи и Чабанмахи еще долгое время случались перестрелки между спрятавшимися в бункерах бандитами и сотрудниками МВД.

ИСХОД

14 сентября в Карамахи обнаружили хорошо замаскированный бункер. Сунулись было. В «норе» — шесть женщин, семеро детей и: трое раненых боевиков, которые из-за спин женщин открыли огонь. Один российский солдат убит, двое ранены. 17 сентября при аналогичных обстоятельствах погибли два сотрудника Буйнакского РОВД.

В Кадарской зоне действовало множество наемников. Помимо арабов и турецких граждан, среди них были и жители ближнего зарубежья. Об этом свидетельствуют документы погибших. Среди убитых боевиков обнаружен гражданин Украины Слободенюк Алексей Васильевич. При зачистке была убита украинка — снайпер.

Попадаются и живые наемники. Правда, состояние «живой-мертвый» у наемника — крайне неустойчивое. Еще одна снайперша, вероятно прибалтийка, была захвачена бойцами одного из подразделений МВД Дагестана. Ребята перед этим видели трупы своих товарищей — омоновцев, попавших в плен к бандитам. Рассчитывать на гуманное отношение «дикой гусыне» не пришлось — ее утопили в выгребной яме.

Уже после всех зачисток бойцы Дагестанского СОБРа обнаружили еще одну представительницу «белых колготок», на этот раз азербайджанку. В ходе боевых действий и последующих зачисток селений Кадарской зоны благодаря помощи местных ополченцев и мирного населения удалось выявить, ликвидировать и задержать большое количество мятежников.

Чабанмахинские ополченцы говорили, что в их селении ваххабитских семей было не более тридцати. Остальную часть бандформирований составляли пришлые боевики, которые и терроризировали жителей села. Был даже эпизод, когда религиозные экстремисты принялись разбивать на сельском кладбище надгробия, классифицировав их как «идолов». Жители пытались защитить могилы предков, но по ним открыли огонь. Два человека погибли, многие ранены.

Примечателен и другой эпизод. Местный парень по имени Наби, вооруженный лишь пистолетом, пошел в бой вместе с бойцами спецбатальона МВД Дагестана. Когда среди бойцов появились потери, он вооружился автоматом убитого. Погиб, освобождая свое село от бандитов.

Был эпизод, когда мятежники пытались вытребовать у председателя Госсовета Дагестана М. Магомедова «коридор» для выхода в Чечню. На что генерал Трошев заявил, что здесь командует не Магомедов, а он и никакого коридора бандиты не получат.

В последнее время некоторые эксперты уверяют, что взрывы домов были местью ваххабитов, что Чечня к ним не имеет никакого отношения. Это неверно хотя бы потому, что бандиты — кадарские и чеченские — фактически единое целое, объединенное общими финансами, общим руководством и общей идеологией. Кроме того, теракты были подготовлены задолго до начала боевых действий в Кадарской зоне.

«ДОЛЛАРОВЫЙ ИСЛАМ» И НОВЫЙ АЗЕФ

О ваххабизме за последнее время написано очень много. При этом основной упор делается на религиозный аспект, хотя это движение преследует главным образом политические цели. На первый взгляд кажется парадоксальным, что наиболее сильны позиции поборников «чистого ислама» в тех странах, внешняя и внутренняя политика которых находится под полным или частичным функциональным контролем США. Но это только на первый взгляд — несмотря на всю свою словесную ненависть к Америке, ваххабиты почему-то всегда оказываются по одну сторону баррикады с США. Так было в Афганистане, во время войны с Ираком, на Балканах, да и теперь на Северном Кавказе.

Даже если обратиться к уже изрядно надоевшему бен Ладену, обнаруживаются удивительные вещи. Банковские счета Милошевича легко замораживаются, тогда как бен Ладен не только продолжает оставаться миллионером, но и спокойно перекачивает свои деньги по различным банковским каналам. Никаких попыток наложить арест на его счета не делается. Более того, стало известно о неоднократных встречах бывшего госсекретаря США Д. Бейкера с бен Ладеном, с людьми Басаева и с представителями талибов. Удар, нанесенный США по фармацевтическому заводу в Судане («Солдат удачи», 1999, № 9. Эл Дж. Вентер. «Судан в прицеле»), не имел никакого отношения к «врагу Америки № 1». Олбрайт и Пикеринг, фактически принимавшие решение о нанесении ракетного удара, располагали полной информацией об этом. Согласно данным официальных докладов и секретных донесений, представленных ЦРУ и другими ведомствами, еще тогда было известно о том, что химическое оружие на заводе не производится.

Трудно сказать, насколько причастен бен Ладен к взрывам американских посольств. Вполне возможно, что это только «легенда», обеспечивающая ему авторитет в исламском мире. И тут приходит на ум опыт еще одного «террориста №1» — Евно Азефа, успешно совмещавшего организацию терактов и работу на Охранное отделение. Как здесь не вспомнить о сотрудничестве бен Ладена с ЦРУ в период афганской войны.

«ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Ставка на внедрение ваххабизма в мусульманских регионах бывшего СССР была сделана по целому ряду причин. Во-первых, это учение, призывающее к установлению некоторых этических и религиозных норм насильственным путем, само по себе несет заряд не только меж- но и внутриконфессиональных конфликтов. Во-вторых, оно обеспечивает надежное религиозное, «духовное» прикрытие для решения не только политических, но порой и криминальных задач. В-третьих, насаждаемое на зарубежные деньги иностранными (или местными, но подготовленными за рубежом) «проповедниками», движение ваххабитов легко управляется извне. Примером тому может служить лидерство иноземца Хаттаба в Чечне, тогда как дагестанские ваххабиты оказывались в свою очередь подчиненными чеченцам. Такая вот пирамида: наверху арабы, пониже чеченцы, еще ниже — все остальные.

Внедрение этого «вероучения» началось во второй половине восьмидесятых, под маской «духовного возрождения». На арабские и пакистанские деньги открывались мечети и медресе. Причем зарубежные силы, стремящиеся взорвать ситуацию на Кавказе, прежде всего возлагали надежды не на Чечню, а на Дагестан, где ислам традиционно играл несравненно большую роль в жизни общества. Чечня оказалась для врагов нашей страны радостным, хотя и неожиданным подарком. Первоначально здесь доминировал не религиозный, а националистический аспект.

Постепенно ситуация менялась. Масхадов комментирует эти изменения так: «Желая сделать из них (ваххабитов. — *Прим. автора*) единомышленников, мы заигрывали с ними, потакали им. Теперь мы пожинаем плоды нашего поведения. Сегодня, разбираясь с последствиями этого религиозного течения, мы должны сказать, что недооценили его роль. А потому пришли к сегодняшнему итогу». Иными словами, лидеры боевиков, желая получить арабские деньги, решили поиграть в «ваххабизм», но спонсоры их переиграли.

Именно денежные потоки, устремившиеся в Чечню через «проповедников», определили ориентацию части полевых командиров на «очищение». Наверное, именно потому и

20

ЯНВАРЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
					1	2
3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30
31						

ФЕВРАЛЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29					

МАРТ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
		1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30	31		

АПРЕЛЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
					1	2
3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30

МАЙ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30	31				

ИЮНЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
			1	2	3	4
5	6	7	8	9	10	11
12	13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24	25
26	27	28	29	30		

Т УДАЧИ

00

ИЮЛЬ

					1	2
3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30
31						
пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс

АВГУСТ

	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30	31			
пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс

СЕНТЯБРЬ

				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	
пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс

ОКТЯБРЬ

						1
2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29
30	31					
пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс

НОЯБРЬ

		1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30			
пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс

ДЕКАБРЬ

				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	31
пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс

прозвали это религиозное учение на Кавказе «долларовым исламом».

Сегодня звучат упреки в адрес дагестанского руководства за потворство ваххабитскому анклаву в Кадарской зоне. В свою очередь оно оправдывается тем, что выполняли установку Центра на «умиротворение». И удивительное дело — признание С. Степашиным ваххабитов Кадарской зоны законопослушными гражданами и мирными тружениками неплохо перекликается с его недавним заявлением о бесперспективности силовой операции в Чечне. Если добавить к этому бездарный ввод в Грозный отрядов оппозиции 26 ноября 1994 года, организованный ФСК, директором которой был тогда Степашин, то картина выходит довольно любопытная...

Уже сейчас можно с уверенностью сказать, что ставка центра по стабилизации ситуации на Кавказе на ваххабизм оказалась не слишком удачной. «Учение» вызывает протест не только у жителей Дагестана, но и у большей части чеченцев. Дело не только в бесцеремонном навязывании адептами ваххабизма чуждых обычаев и традиций. Большинство пришлых «моджахедов» мало напоминают верующих людей. А что говорить про «новообращенных» из местных: По словам очевидцев, самих же чеченцев и дагестанцев, «моджахеды», накачавшиеся наркотиками, ведут себя как оккупанты: бесчинствуют, грабят, насилуют. При отступлении ими же, например, была осквернена и заминирована мечеть в Ботлихском районе.

НОВОЛАКСКИЙ РАЙОН

Вторжение бандитов в Новолакский район напоминало акт отчаяния. Надеяться на поддержку местного населения уже не приходилось. Местный рельеф (преобладает равнинный) не был столь благоприятен для боевиков, как в Ботлихском или в Цумадинском районах. Чем-то помочь Кадарской зоне они тоже не могли — расклад сил и решительность властей были очевидны. Тем не менее они все-таки вторглись. Складывается впечатление, что Басаев, совершивший столь самоубийственный шаг, был вынужден выполнять чей-то приказ.

Поскольку основные силы армии и МВД были задействованы в Ботлихском, Цумадинском и Буйнакском районах, бандитам вначале удалось занять здесь весьма значительную территорию. Их отряды находились всего в пяти километрах от Хасавюрта. Как и в предыдущих случаях, первый удар приняли на себя милиция и ополченцы. Подошедшие чуть позже войска остановили наступление бандформирований. Началось постепенное освобождение района.

Уже десятого сентября войска предприняли первый штурм Новолакского, но неудачно — российские части отступили с большими потерями. Боевикам удалось уничтожить несколько единиц бронетехники. Продвинувшись вперед на два-три километра, они окопались в двух километрах от Ярыксу. Ополченцам и милиции, блокировавшим Новолакское, руководство приказало отойти назад.

Моментально возникли разговоры об измене. Однако вскоре выяснилось, что этот шаг был продиктован необходимостью. Предстояло задействовать авиацию и артиллерию, и от их работы могли пострадать свои.

Наконец боевики, не выдержав артобстрелов и бомбежек, оставили селение Гамиях. А в ночь на тринадцатое сентября они были вынуждены покинуть Тухчар. Все эти дни авиация наносила бомбово-штурмовые удары по западному склону высоты 715, а утром шестнадцатого числа высота была взята. После этого мятежники оставили Новолакское.

Начались зачистки освобожденных селений, поиск и ликвидация мин, неразорвавшихся бомб и снарядов. Примечательно, что в Новолакском районе среди мятежников преобладали не иностранные наемники и дагестанские ваххабиты, как в Ботлихе, а чеченская молодежь 16 — 20 лет.

После завершения боевых действий на территории республики дагестанская милиция взялась за ликвидацию потенциальной «пятой колонны». В ходе оперативных мероприятий были обнаружены склады с оружием и боеприпасами, задержано около сорока участников боевых действий. Обезврежена банда, занимавшаяся похищениями людей. Любопытно, что возглавлял ее аспирант Дагестанского университета, а похищенных бандиты содержали в подвале Кизил-Юртовской мечети.

Кроме этого, все чеченцы, не имеющие дагестанской прописки или получившие ее после 1996 года, были выдворены с территории республики. Противоречия, существовавшие между остальными национальностями Дагестана, перед лицом внешней опасности отступили на задний план.

ИТОГИ

Опыт с «независимостью» на Северном Кавказе оказался неудачным. Авторитет чеченских вождей подорван походом в Дагестан. Но существуют серьезные причины для тревоги.

На территории Британии практически открыто действуют учебные лагеря, где готовят наемников для боевых действий на Кавказе. Недавно была задержана крупная партия американской униформы (с чеченскими эмблемами) и амуниции, которую американская фирма пыталась переправить из Германии в Чечню. Есть данные, что в подготовке вторжения в Дагестан принимали участие офицеры турецкой разведки (кстати, дагестанцы считают августовское землетрясение в Турции «карой Аллаха» за помощь мятежникам). Главари бандформирований получают данные о передвижении российских войск с разведывательных спутников одной из стран НАТО. Поставки оружия, боеприпасов, средств связи и других грузов в Чечню находят свое начало на территории Турции. Следует отметить, что в полицейском государстве, которым является Турция, подобные вещи без санкции правительства просто невозможны.

В свете всего этого можно предположить, что абсурдный и самоубийственный «гамбит» бандформирований в Дагестане был частью сложной многоходовой комбинации, направленной против суверенитета и независимости России. По югославскому сценарию.

Пистолет «ГЛОК–30»

Пистолет «ГЛОК–30»

Пистолет «Глок-30» разработан под популярный в Америке пистолетный патрон калибра 11,43 мм или, как его часто обозначают, .45 АСР. Пуля этого патрона отличается весьма большим останавливающим действием. По количеству патронов в магазине (десять) он также приспособлен к американскому стандарту. Эти данные подчеркивают стремление фирмы выйти с пистолетом «Глок-30» на американский рынок.

Несмотря на большой калибр, пистолет «Глок-30» производит впечатление легкого и компактного оружия.

К числу основных особенностей пистолетов «глок» относятся низкая себестоимость производства из-за чрезвычайно простой конструкции как пистолета в целом, так и отдельных его деталей. Обычно самая сложная и трудоемкая деталь любого пистолета — рамка здесь не представляет производственной сложности, так как изготавливается литьем из термопластичной пластмассы без последующей механической обработки. Себестоимость пистолета «глок» примерно в три раза ниже, чем, например, американской «беретты» или немецкого «парабеллума».

«Глок» не имеет наружного, принудительно переключаемого предохранителя. В этом отношении он аналогичен револьверу. Для выстрела из него достаточно дослать патрон в ствол и нажать на спусковой крючок.

Система предохранения пистолета такова, что он безопасен при ношении с патроном в патроннике.

Автоматика пистолета «Глок-30» работает на принципе отдачи ствола при коротком ходе его. Запирание канала ствола осуществляется перекосом ствола в вертикальной плоскости. В качестве опорной плоскости при запирании используется только одна плоскость — передняя стенка гильзовыводного отверстия. Механизм пистолета ударникового типа (бескурковый), с частичным взводом ударника при приходе кожуха-затвора в крайнее переднее положение. Спусковой механизм самовзводный, но из-за того, что начало взведения происходит при предварительно взведенном (примерно наполовину) ударнике, ход спускового крючка и усилие взведения невелики.

Пистолет «Глок-30» можно очень легко и быстро разобрать и собрать, поэтому уход за ним несложен. Стальные детали пистолета покрыты особым антифрикционным покрытием и при взаимодействии с пластмассовыми почти не требуют смазки. Поэтому, в отличие от других видов оружия, для надежного функционирования пистолетов «глок» достаточно только нескольких капель смазки.

В ноябре 1999 года в Москве проходила Международная выставка полицейской техники, где, в частности, фирма GLOCK продемонстрировала широкий ассортимент своей продукции. Представители фирмы магистр фрау Элизабет Трибель и инженер Фридрих Дехант любезно ответили на вопросы эксперта-консультанта «Солдата удачи». Они сообщили, что пистолет «глок» с 1984 года находится на вооружении австрийской армии под наименованием P80 и что по требованиям армейского заказчика он испытывается в затрудненных условиях в диапазоне температур от -40^{0} до $+70^{0}$С. По техническим условиям гарантийная живучесть пистолета составляет 10 000 выстрелов. Практически же она выше.

Что касается технологических подробностей, то было сказано, что трудоемкость одного пистолета составляет около 35 минут, из которых на цельнофрезерованный затвор приходится 15 минут, на ствол — 7, на рамку, изготавливаемую в одноместной пресс-форме, — 7. Всего на 1999 год изготовлено 2 000 000 различных модификаций пистолетов «глок», которые распространены более чем в 100 странах.

Технические характеристики

Калибр	11,43 мм
Тип патрона	45 АСР
Длина пистолета	175 мм
Высота пистолета	122 мм
Ширина пистолета	32,5 мм
Длина линии прицеливания	151 мм
Длина ствола	96 мм
Шаг нарезов	400 мм
Тип нарезки	полигональная
Емкость магазина	10 шт.
Вес пистолета без магазина	680 г
Вес магазина пустого	71 г
Вес магазина снаряженного	280 г
Длина хода спускового крючка	12,5 мм
Усилие спуска	2,5 кг
Число ступеней предохранения	три

Рубрику ведет Зеленина Л. В.

ВНОВЬ О КОСОВО

Как отмечает агентство **ТАНЮГ**, складывается впечатление, что сектора ответственности для КФОР распределяли международные и национальные концерны.

Французские военнослужащие контролируют северную часть края с центром в Косовской Митровице. Между прочим, там расположен один из крупнейших на Балканах комбинат «Трепча» по производству цинка, никеля и свинца, а также богатейшие рудники. Последние пять лет французские бизнесмены стремились инвестировать средства в цветную металлургию региона.

Английские фирмы несколько лет назад начали проявлять интерес к предприятиям энергетики в г. Обилич. Сейчас этот сектор контролируют британские военные из состава КФОР.

Итальянские миротворцы заняли г. Печ, где находится югославско-итальянский автомобильный завод «Застава», и в первую очередь взяли под охрану не население, а предприятие.

Немецкий контингент КФОР отвечает за сектор Сува-Река, а заодно обеспечивает безопасность совместных предприятий «Балканбелт» — «Дойче континентал» (производство автошин) и винных складов, продукция которых поставлялась фирмой «Рацка» в Германию...

Так для чего же на самом деле были введены в Косово так называемые миротворческие силы?

ВОЙНА В ЧЕЧНЕ — НЕ ЕДИНСТВЕННАЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ В МИРЕ

Кажется, весь мир ополчился против попытки России навести порядок на Северном Кавказе. Зарубежные средства массовой информации обвиняют во всех грехах и армию, и правительство. И это очень странно.

В середине ноября в Йемене силами служб безопасности страны были взяты штурмом две деревни на востоке страны, населенные племенем бани джабр. Власти обвиняют людей бани джабр в подрыве нефтепровода, в похищении иностранцев — американцев и французов.

Кажется, никто не высказал своего неодобрения по поводу операции.

27 ноября турецкая газета **«Джумхуриет»** сообщила, что турецкая армия проводит наземно-воздушную операцию против Рабочей партии Курдистана, причем и на своей территории, на юго-востоке страны, и на территории Северного Ирака. На юго-востоке против боевиков РПК, чья численность оценивается в 200 человек, направлена 15-тысячная группировка войск. В Северный Ирак турецкие силы проникли на глубину до 20 км, в операции участвуют более 20 тыс. человек.

Со стороны зарубежной прессы — ни слова осуждения!

Можно только повторить то, что говорилось неоднократно по поводу отношения Запада к России: двойной стандарт. Двойная мораль.

ПОСЛЕДНИЕ ИСПЫТАНИЯ НОВОЙ ВИНТОВКИ АРМИИ США ЗАКОНЧИЛИСЬ НЕУДАЧЕЙ

Проводившиеся в конце сентября испытания новой винтовки армии США закончились неудачей — прототип этого оружия взорвался при стрельбе, ранив двух гражданских технических сотрудников, сообщил американский еженедельник **«Дифенс ньюс»**.

По словам представителей Пентагона, экспериментальный образец винтовки, которой — начиная с 2007 года — предстоит стать основным личным оружием американских пехотинцев, разорвало при стрельбе 20-миллиметровыми боеприпасами большой мощности.

Новая винтовка представляет собой комбинацию усовершенствованного карабина М-4 калибра 5,56 мм и компьютеризированной системы ведения огня 20-миллиметровыми боеприпасами, способными разрываться на требуемом расстоянии, обеспечивая поражение находящегося за укрытием противника.

Наведение системы на цель осуществляется с помощью лазерного луча, после чего компьютер «на экране» прицела высвечивает расстояние до цели с небольшой поправкой, гарантирующей разрыв боеприпаса над и немного за целью. При выстреле электронный взрыватель боеприпаса фиксируется на детонацию на точно заданном расстоянии. Таким образом «патрон» разрывается приблизительно в метре за целью, разбрасывая шрапнель над спрятавшимся за бруствером противником.

Разработчики новой винтовки пока не могут сказать, по какой причине произошел взрыв экспериментального образца. Около 150 предыдущих испытаний прошли успешно, и программа создания нового стрелкового оружия в целом приблизилась к концу. Тем не менее представители Пентагона уверены, что произошедшая неудача не сорвет намеченным планов и новая автоматическая винтовка поступит на вооружение армии в установленные сроки.

Разорвавшийся образец, по данным еженедельника, стоил около 220 тыс. долларов — 20 тыс. долларов за саму винтовку и 200 тыс. за компьютерную систему контроля за ведением огня.

ПЕНТАГОН ПРОВЕЛ УСПЕШНОЕ ИСПЫТАНИЕ НОВОГО МИНОИСКАТЕЛЯ

Министерство обороны США провело на территории Боснии и Герцеговины успешное испытание прототипа нового миноискателя, позволяющего с большей точностью обнаруживать противопехотные мины и даже определять тип используемого в них взрывчатого вещества, сообщил американский еженедельник **«Дифенс ньюс»**.

Новый прибор «анализирует» энергетические волны, поступающие от находящихся под землей мин, что позволяет повысить точность их обнаружения и свести к минимуму количество ложных сигналов. Так, в ходе эксперимента в районе города Тузла новая система помогла обнаружить 8 заложенных мин, и при этом она ни разу не ошиблась, в то время как традиционный металлодетектор на том же участке дал 34 ложных сигнала тревоги.

Система обеспечивает «проникновение» во взрывчатое вещество мины с помощью энергии радиочастот. Это активизирует атомы азота взрывчатого вещества, заставляя их резонировать, что, в свою очередь, порождает поток энергетических волн. Миноискатель улавливает эти волны, обрабатывает и выдает информацию как об источнике их поступления, так и о составе материала, способного их порождать.

Данный прибор разработан в рамках трехлетней программы Управления перспективного планирования научно-исследовательских работ министерства обороны США, получившей название «Электронный собачий нос». На нее было выделено 30 млн. долларов. Ко времени завершения этой программы в 2000 году работы по созданию нового миноискателя обойдутся в 10 млн. долларов.

При подготовке обзора использованы материалы ИТАР-ТАСС

ВОЙНА

Андрей МАРТЫНОВ
Фото Михаила ГОРЫМОВА

До Югославии мы добирались через Румынию. Простой народ этой страны сочувствует югославам. А вот прямой путь через Венгрию нам был заказан. Мадьяры стараются угодить новому «старшему брату» и разве что бетонной стеной от Сербии не отгородились.

На границе сразу почувствовалось дыхание войны. Любой иностранец попадает здесь в разряд потенциальных шпионов. Шпиономанией в основном страдают в относительно мирных районах. Там, где стреляют, вражеских агентов не очень-то стремятся ловить — убить могут.

Пограничники (в Югославии их функции выполняют полицейские) заставили нас сойти с электрички. Они долго и упорно старались найти причину не пропустить нас в страну, в мельчайших подробностях выясняя цель поездки. Дабы не рисковать, мы остановились на версии посещения знакомых. Наши паспорта были в порядке, визы тоже, так что придраться было не к чему.

Наконец полицейские нас отпустили. Мы въехали в страну, где война стала повседневностью.

Ситуации, наблюдаемые на современных локальных войнах, не вписываются в классическое представление, созданное историей и подкрепляемое книгами и кино.

По ночам — ожесточенная перестрелка. То одна то другая сторона делают вылазки с использованием бронетехники. Бьют артиллерия и минометы. Но вот наступает утро, и по трассе, разделяющей воюющие стороны, идет поток машин. Рабочий люд пересекает линию фронта в обоих направлениях (чем, конечно, активно пользуется разведка). Если заключается перемирие — футбол, рекой льется вино. А ночью опять война до победного конца. Так было, например, в Приднестровье.

Линия электропередачи идет от сербской станции через фронт, по «мусульманской» стороне в Венгрию. Боснийцы ее не портили — дармовая энергия. Сербы же получали честно заработанную валюту от экспорта. Вообще обе воюющие стороны старались сберечь мосты, предприятия. Нам здесь жить, говорили сербы. Наверное, точно так же думали мусульмане. Налеты американской «миротворческой» авиации уничтожили все, что уцелело за четыре года предшествовавшей войны.

Десятки высокоточных бомб и крылатых ракет падали на Югославию. Горели нефтеперерабатывающие заводы, гибли мирные люди. В самом центре Белграда были разрушены здания Генерального штаба ЮНА и МВД, но все-таки... светомаскировка отсутствовала.

Поначалу бомбежки не очень пугали горожан. На предупредительный вой сирен почти никто не обращал внимания. Продолжала играть музыка, посетители уличных кафе спокойно попивали ракию — местный самогон.

Кино и особенно телевидение приучили обывателя к легкому восприятию крови, смерти и войны. То, что демонстрируют на экране, обычно происходит далеко от дома обывателя и потому мало волнует. Только ощутив дыхание смерти, увидев наяву трупы и разрушения, начинаешь осознавать весь ужас войны. Понимание того, что все происходит по-настоящему, пришло к белградцам только после бомбардировки телецентра, когда погибли десятки человек.

До казарм «Бубен Поток» нам показал дорогу полицейский. Это место сбора резервистов в 10 км от города: здесь их одевают, обувают и по мере необходимости отправляют для пополнения частей армии и полиции. В казарме вначале оказалось только двое русских: Александр по прозвищу Ас и я — Андрей Мартынов. С Сашей мы знакомы по Боснии, еще с 1992 года. Затем подъехали осетин Альберт, Банзай, Володя из Западной Украины, Бульбаш из Белоруссии. Собралась маленькая, но боевая компания. Все, кроме Аса, офицеры с боевым опытом: Афганистан, Ангола, Таджикистан, горячие точки России...

В югославской армии действовал приказ: распределять добровольцев по 1 — 2 человека в разные подразделения. Якобы для того, чтобы враг о них не знал. В этом еще раз проявилось двуличие сербских руководителей — они не хотели обвинений в пособничестве наемникам. Вот так: сербов в буквальном смысле уничтожают, а власти делают неуклюжий реверанс в сторону «цивилизованного мира».

На общем построении батальона резервистов офицер в полицейской форме выкрикивал фамилии из списка. Вызванные переходили на другую сторону плаца, к автобусам. Из нашей группы в команду попали двое. Всем остальным предложили разъехаться по домам — «за ненадобностью». Странно получается: идет война, а солдаты не нужны.

Естественно, такой поворот событий никого не устроил. Взяв полицейского в кольцо, мы начали убеждать его в необходимости принять всех. После недолгих уговоров он согласился.

Нас привезли в центр подготовки, где полицейские перед отъездом в Косово проходили курс антитеррористической подготовки. Это, наверное, самое профессиональное подразделение югославской армии из всех, что я видел. Свое стрельбище, полигон, имитирующий город. В программе занятий кросс, стрельба по движущимся и неподвижным мишеням, способы «зачистки», методика осмотра помещений, техника пленения и сопровождения. Некоторые дисциплины были нам, армейским офицерам, незнакомы. Ведь полиция, в отличие от армии, работает на предупреждение и пресечение, а не на уничтожение.

Неделя подготовки пролетела в одно мгновение. Нагрузка помогла сбросить лишний вес, немного вжиться в боевую обстановку. Мирная жизнь расхолаживает, навыки утрачиваются. Поэтому курс оказался как нельзя кстати.

Нас распределили в 82-ю группу антитеррора. В Косово редко приходилось

встречать столь заботливое отношение к солдатам. Питание хорошее, форма удобная, обувь — высшего разряда, что в горах немаловажно. Оружие каждый подбирал на свое усмотрение — от любой модели автомата до крупнокалиберных снайперских винтовок «Черная стрела»: калибр 12,7, бьет на 2 — 2,5 км. Чудо, но вес — больше 16 кг, приходилось носить ее вдвоем. С боезапасом проблем также не было. В армии же — когда густо, когда пусто...

С подачи властей многие югославские СМИ поначалу утверждали, что бандитов в Косово нет. Создавалось мнимое впечатление полного спокойствия: в крае более 200 тыс. солдат и полицейских, и все изнывают от безделья. На самом деле все обстояло далеко не так. Города контролировались сербами, а большие территории сельской местности были в руках хорошо вооруженных боевиков.

Сначала наш отряд «зачищал» район, прилегающий к городу Юник. Нам, полицейским, в основном доставались деревни. Косовские албанцы живут небедно. В сравнении с соседней Албанией — небо и земля. Огромные дворы, огороженные 3 — 4-метровыми каменными заборами, дома в 4 — 5 этажей. Чего только нет: дорогая бытовая техника, шикарные автомобили. В подсобках — горы коробок с консервами, мешки с мукой, ящики с детским питанием. Количество запасов превосходило все разумные пределы. Ненужная гуманитарная помощь Запада уходила на «черный рынок» Македонии и Албании.

Дома сжигались со всем имуществом. Случалось мародерство, но с ним жестоко боролись: задержанных на месте преступления расстреливали без суда и следствия. Из Косово разрешалось выехать только с одной сумкой.

Слабость системы ПВО вскоре вынудила югославскую армию перейти к полупартизанским методам ведения войны: рассредоточение войск, внимание к маскировке, частая смена места дислокации. Наш отряд полиции находился в постоянном движении. Поели-попили, поспали чуток и — в путь. Натовская разведка работала хорошо, несколько раз мы уходили с места привала буквально за несколько минут до бомбежки.

Авиация противника ходила порой буквально по нашим головам, уверенная в своей безнаказанности. Победные реляции командования сербской армии о якобы десятках сбитых самолетов — сказка. За два месяца бомбардировок по TV показали сбитые F-117 и F-16. Где же обломки других самолетов? Не все же они в море падали? А если сбивали на суше, то где же летчики? Например, летчика ночного бомбардировщика натовские спасатели вытащили чуть ли не из центра Белграда.

На ум приходят три ответа:

— Американские командос слишком хороши, прямо как в западных фильмах.

— В ЮНА куда больше дилетантов, чем профессионалов военного дела.

— Власти не хотели защищать свою страну и свой собственный народ.

Говорят, американскому пилоту платили по 5000 долларов за вылет. При таком положении дел им бы вообще из-за штурвала не надо было вылезать.

Нам таких денег не платили. Была лишь призрачная надежда, что получим средства на проезд до дома.

82-я группа, отработав положенный ей срок, выходила в Сербию на отдых, и мы перешли в N-ский отряд полиции в районе Призрена. Большую территорию контролировали около 10 тыс. бандитов. У боевиков были склады, базы, широко разветвленная сеть обороны. А в случае неприятностей они легко уходили на территорию соседней Албании.

Нашему отряду дали приказ выбить «шиптар» с гряды, идущей вдоль границы. Засевшие бандиты на высотках обстреливали нас из гранатометов, автоматов, пулеметов. А с албанской стороны — из минометов. Они-то нам больше всего и досаждали. Если стрелковую точку мы могли уничтожить, то достать позиции минометчиков не получалось.

Появились раненые, а дело с места не двигалось. Тогда наш командир, плюнув на все приказы, решился на обходной маневр.

На следующий день рано утром, углубившись примерно на километр в глубь албанской территории, мы ударили в спину террористам. Те, не ожидая такого развития событий, побежали, потеряв при этом десятки убитыми и ранеными.

Погода в горах изменяется с высотой. Этот общеизвестный факт ощутили на себе и мы. Весной в долинах уже тепло, зато на высоте совсем другой климат. Как всегда, нас послали на боевые без четкого задания. До этого два дня ходили на рутинное патрулирование в ближайшие к городу села. Вот и в этот раз — прихватили с собой только боеприпасы и в легкой одежде пошли, думали — ненадолго.

Нещадно палившее солнце быстро сменилось холодным дождем и туманом. Мы поднимались все выше и выше. Захрустел под ногами наст, в воздухе закружились снежинки. Одежда после ледяного душа не грела. Хорошо еще, что у каждого к РД были приторочены плащ-палатки или солдатские одеяла. В них проделали дырки для голов, и все мы стали похожи на мексиканцев в пончо. В таком наряде ходили два дня. На ночевках костерили начальство с его секретами на чем свет стоит...

Инициативность и профессиональный подход к делу не присущи сербским командирам. Приказывают, например, очистить село от бандитов, а подготовки никакой не проводят. Однажды видел, как армейцы, выгрузившись с машины, толпой шли прямо под пули боевиков.

Равнодушное отношение к рядовому составу было и у полицейского начальства. Мы с ходу взяли одну гору и пытались в лоб штурмовать другую. Потеряли только убитыми полтора десятка человек. Стали готовиться еще к одной атаке. Метрах в 700 «шиптары» не спеша окапывались, не обращая внимания на нашу стрельбу. Я пошел к отцам-командирам — убеждать в необходимости изменить тактику боя. Есть же артиллерия, зенитные пулеметы, танки. Совсем не обязательно заваливать врага своим мясом! Те послушали, согласились, и: нас опять подняли в атаку без артподдержки.

Только после того, как погибли еще четверо, командование выделило безоткатное орудие. Как артиллерист, я взял на себя наводку и стрельбу, попросив расчет пушки отойти в сторону. Несколькими залпами удалось подавить все огневые точки бандитов. Те даже не успели опомниться, как наш отряд уже был на их горе.

Среди русских большинство составляли офицеры с боевым опытом, который для сербов был бы отнюдь не лишним. В Боснии к нашему мнению прислушивались. В Косово гордыня сербских командиров была выше разума. Планирование боевых операций, если таковое вообще происходило, было на низком уровне. Цель и место проведения акции до сведения рядового состава не доводились. Порой двигаемся куда-нибудь и узнаем о местонахождении противника, только столкнувшись с ним нос к носу. Этот способ получил у нас название «научный тык».

В одной из таких операций был ранен Альберт.

Шли по открытому месту к лесу, где, как нам сказали, могут находиться боевики. Вдруг с трех сторон на нас обрушился шквал огня. Оказывается, позиции бандитов были в форме подковы, которая охватывала поле, по которому мы шли, не зная, где враг. Дурацкое счастье, что они прозевали наше передвижение. Будь они повнимательней, мы потеряли бы многих.

Чтобы уйти от перекрестного огня, мы побежали к позициям бандитов. Приблизившись к окопам, стреляли почти в упор. Я уничтожил одного и хотел было уже спрыгнуть в окоп, как услышал крик, что ранен Альберт.

Осетин успел завалить двоих. Пуля попала ему в затылок и, пройдя сквозь череп, вышла из правого глаза. Но он чудом остался жив. К счастью, местность была неровная, и мы сначала ползком по ложбинке, а затем перебежками стали выносить раненого.

К автоматному огню добавился минометный обстрел. При всем нашем невезении в этот день мы не потеряли ни одного убитым. Два десятка раненых — таков был результат этого боя.

Альберта, как тяжело раненного, сразу отправили в Приштину. Остальных раскидали по разным госпиталям.

Моральный дух нашего отряда после этого боя сильно упал. Солдат готов идти на смерть, но во имя достижения конкретных целей. Когда же тебя держат за расходный материал, это сильно действует на психику.

В горах война идет за обладание самыми высокими точками местности. Сил и средств на постоянный контроль стратегически важных высот ни у одной стороны не хватает. Когда войска перебрасывают на новое место для «зачистки» района, операция начинается с вытеснения боевиков с высоток, прилегающих к дорогам, по которым идут техника и войска. Главная роль отводится полицейским отрядам.

Подходим к селу, в котором должны быть боевики. Как всегда, мы не знали, сколько их там и чем вооружены. Незаметно подобраться к селу не удалось. Бандиты, увидев нас, через перелесок отошли в гору и там заняли оборону.

Обычно при виде превосходящих сил они просто уходили, а в этот раз были вынуждены принять бой, ибо с другой стороны горы неожиданно даже для нас оказался батальон ЮНА. Солдаты со своей стороны несколькими цепями блокировали пути отхода боевикам, но в гору не двинулись. Наш более малочисленный отряд двинулся в гору под сочувственные взгляды армейцев.

Хорошо, что у противника на этот раз не было минометов и крупнокалиберных пулеметов. Сошлись мы очень близко. В ход пошли ручные гранаты. Мы получили шанс взять реванш за свое недавнее поражение и постарались не упустить такую возможность.

Только я взял на мушку очередного косовара, как подо мной рванула граната. Пластиковая, начиненная дробью бомбочка. От взрывной волны, а больше от неожиданности упал на землю. Все тело мгновенно онемело. Вижу, как в меня целится бандит, но пошевелиться не могу. Руки-ноги слушаться отказываются. Вот и конец наступил, — мелькнуло в мозгу. На войне ведь как: если не ты его, так он тебя. Автомат албанца дернулся: и тот повалился на бок. Кто-то подстрелил бандита, не дав ему лишить меня жизни. Несколько рук подхватили мое онемевшее тело и понесли с горы. Постепенно пришла боль, а следом зависть, что ребята взяли горку без моего участия. «Шиптары» на этот раз предпочли в плен не сдаваться.

Как легко раненного отправили в госпиталь Призрена. Там я, оказалось, был первым русским. По всей больнице прошел слух о русском добровольце. На меня ходили смотреть, как на инопланетянина. Удивлялись, что даже не слышали об иностранцах, воюющих на стороне сербов. Я точно знаю о 300 болгарских добровольцах, немцах, венграх и 2 англичанах. Все они приехали не ради денег — не платили нам даже положенное, — а из чувства справедливости.

Из меня не вытащили ни одной железки. Сербская медицина вообще не любит хирургическое вмешательство. Поломанные конечности залепляют в гипс, не поставив кости на положенное место.

Лечили таблетками да делали перевязки. На мои вопросы по поводу операции врачи или отмалчивались, или говорили, что в этом нет необходимости. До сих пор хожу с железом в теле.

В госпитале полицейских кормили хорошо. Каждый день приезжала машина из управления с едой для нас. Помимо различных мясных и рыбных продуктов, у нас был десерт: джемы, печенье, консервированные фрукты и ананасы.

Больных из числа гражданского населения кормили гораздо хуже. На завтрак подобие кофе или чая, маленькая упаковка джема и кусок хлеба. На обед и ужин варево из картошки или макарон с мясом. Говорили, что продуктов не хватает, что дороги часто блокируются бандитами и подвоз потому сильно затруднен.

Заметьте, такое власти Сербии говорили жителям Косово. В самой же Сербии СМИ пели совсем другое. Все, мол, в Косово хорошо и прекрасно.

Продуктов в больнице и в городе действительно не хватало. Меня это чрезвычайно удивляло, так как в окрестностях города бродили большие стада бесхозных коров, овец и прочей живности. В пустых домах — запасы муки, масла, консервов. Достаточно было организовать выезд на грузовике в ближайшие села, чтобы надолго обеспечить больницы пропитанием. Но местные власти были не очень-то и озабочены нуждами населения, а народ боялся быть обвиненным в мародерстве. Власти полностью расписались в своем бессилии и нежелании что-либо делать.

Оккупация страны была очевидным фактом. Население и армия готовы были защищать свою землю, но это не входило в планы высшей власти во главе с господином Милошевичем. Он уже легко отдал Сербскую Краину, Боснию, а теперь и Косово.

Когда, получив отпуск по ранению, я поехал в Россию, то оставил личные вещи у сербских сослуживцев. Когда переменится в Сербии власть, придет правительство, которое будет болеть душой за свою страну, тогда появится шанс восстановить справедливость.

ОТ РЕДАКЦИИ: Выражаем благодарность компании «Сплав» за прекрасную экипировку, которая помогла нашему корреспонденту Александру МУХАРЕВУ не только выполнить редакционное задание в Косово, но и остаться живым.

Здравствуй, «Солдат удачи»!

Читаю ваш журнал с начала 1995 года и хочу поделиться некоторыми замечаниями и предложениями на основе прочитанных статей.

1. Поражает, что российский журнал выдает статьи «бендер» из УНА — УНСО. Грязи на российских солдат и Россию выливают на Украине и так через край. Странно, что вы даете возможность высказаться одним из основных вдохновителей антирусской пропаганды.

2. О переводах. Лично я одно время перед тем, как купить журнал, сначала его просматривал на наличие переводов, и если их было много, то не покупал.

Складывается впечатление, что американские журналисты обучались в каком-то отделе журналистики при ЦК КПСС. Стиль подачи переводных материалов об участии американцев в боевых действиях с «подлыми и кровожадными врагами демократии» — сухой, официальный. Мне глубоко наплевать, что делают американские солдаты в Панаме или Колумбии. У нас своих проблем хватает.

Радует, что в последнее время переводы почти исчезли — лучше, чтоб навсегда.

3. По моему мнению, рубрика «Наш атлас» не нужна. То, что в ней напечатано, мы и так видим по телевизору, а страница пропадает.

4. Об оружии. Хотелось бы прочитать информацию о советских противотанковых гранатометах, как стоящих на вооружении, так и о перспективных образцах. Недавно в одном журнале прочитал, что бронепробиваемость РПГ-26 и РПГ-27 — 220 и 350 мм соответственно. А у вас было напечатано — 500 и 750 мм. Где правда?

5. Хотелось, чтобы в журнале ввели рубрику «Правда и ложь», где опровергались бы непроверенные и специально вброшенные «сенсационные» материалы из различных СМИ.

Теперь о достоинствах.

Главное достоинство «Солдата удачи» — это возможность высказаться непосредственным участникам событий. Ни одно издание не может сравниться в этом с ним.

Нравится стиль подачи материалов — простой, понятный, жесткий и, главное, правдивый!

Хотелось, чтобы увеличился объем журнала, но понимаю, что в современной экономической ситуации это сложно.

«Солдат удачи» — единственное уважаемое мной издание. Желаю успехов редакции, всем сотрудникам журнала!

С уважением, Дмитрий.
Днепропетровск

США

ФБР арестовало двух калифорнийцев, планировавших взорвать гигантские резервуары с газом в Сакраменто и вызвать массовые беспорядки. Как сообщили представители ФБР, 42-летний Кевин Паттерсон и 49-летний Чарльз Кайлз ставили перед собой амбициозную цель — спровоцировать таким образом введение чрезвычайного положения, попытаться поднять американцев на свержение правительства. При аресте у Паттерсона и Клайза были обнаружены свыше 50 единиц огнестрельного оружия, патроны и компоненты для изготовления самодельных бомб. Каждый из арестованных может быть осужден на 30 лет тюрьмы.

КОСОВО

В оргию насилия над сербским населением Косово превратился государственный праздник Албании — День флага. По всему краю в вечерние и ночные часы прокатились акции устрашения против неалбанского населения, оставшегося в немногочисленных анклавах. Только в городе Гнилане погрому подверглись более 50 домов, где проживали или проживают сербы. Нападения сопровождались беспорядочной стрельбой и взрывами ручных гранат, осколками которых ранены две женщины. Как сообщает Церковно-народный комитет этого города, бесчинства происходили на глазах военнослужащих КФОР и полицейских ООН, которые «в целях безопасности» отменили комендантский час.

КУБА

Фидель Кастро сообщил о плане американских террористов кубинского происхождения убить венесуэльского президента Уго Чавеса. Выступая перед венесуэльскими журналистами, Кастро подчеркнул, что планируемое покушение финансируется ультраправой организацией Национальный фонд американцев кубинского происхождения со штаб-квартирой в Майами. Кубинский лидер сообщил, что 27 ноября получил доклад Главного управления разведки и контрразведки Кубы, в котором сообщалось о том, что четверо экстремистов готовят покушение на жизньЧавеса. Согласно докладу, покушение планируют осуществить в декабре.

КОЛУМБИЯ

Повстанцы левоэкстремистской Армии национального освобождения в Колумбии совершили очередной взрыв на основном нефтепроводе страны на атлантическом побережье. В Медельине был взорван автомобиль, начиненный динамитом, «в знак протеста» против планов правительства приватизировать энергетическую компанию «Исахен». Фасад здания компании полностью разрушен. Армии и полиции удалось предотвратить еще два взрыва. Повстанцы утверждают, что диверсиями и террористическими акциями они стремятся «повлиять на энергетическую политику».

РОССИЯ

Москва усилила охрану детсадов и школ после того, как подозрительные люди пытались разузнать режим их работы. Об этом сообщил пресс-секретарь Московского уголовного розыска Кирилл Мазурин, по словам которого «окружным Управлениям внутренних дел Москвы дана команда усилить охрану детских учреждений».

АБХАЗИЯ

Автомобиль с пятью мирными жителями подорвался на мине направленного действия 1 декабря в районе населенного пункта Ачигвара Очамчирского района Абхазии. Все пассажиры погибли.

ЧЕЧНЯ

На вооружение федеральных сил РФ в Чечне должны поступить новые системы связи «Акведук» массой 750 г, то есть в пять раз меньше, чем у применяемых сейчас. Радиостанции, работающие в режиме гарантированного засекречивания с автоматической настройкой частоты и кодированием информации, обеспечат командирам отделений устойчивую радиосвязь на расстоянии до 2 км.

ПАКИСТАН

Очередной террористический акт совершен в Пакистане. В результате взрыва самодельной бомбы погибли двое и ранены несколько человек. Инцидент произошел в городе Хайдарабад на юге страны. Взрывное устройство мощностью около 100 граммов тротила сработало в рейсовом автобусе, в котором находилось более 50 пассажиров.

АВСТРАЛИЯ

Группа условных «террористов» захватила корабль с заложниками в порту Сиднея, и около 500 полицейских и военных отрабатывали способы их нейтрализации. Так в столице Олимпиады 2000 года начали учения по борьбе против терроризма под названием «Голубое кольцо». Операции в рамках «Голубого кольца» максимально приближены к реальности, и детали сценариев держатся в тайне. Спецслужбы и полиция будут заниматься предотвращением экологической катастрофы из-за условного применения биологического или химического оружия.

Им ничего не оставалось, как приступить к выполнению боевой задачи

ТАЙНЫЕ ОПЕРАЦИИ ЦРУ В ЛАОСЕ

Джон ПЛАСТЕР

Фото из архива «Солдата удачи»

В конце лета 1970 года оперативная обстановка в Южном Лаосе, где шла необъявленная война, резко осложнилась. Северо-Вьетнамская армия (СВА) захватила стратегически важное плато Боловенс, где располагались несколько использовавшихся Центральным разведывательным управлением (ЦРУ) США аэродромов и передовых баз.

На экстренном совещании в Бангкоке старший представитель ЦРУ, ответственный за планирование операций, проинформировал прибывшего командира Группы исследований и наблюдений — ГИН полковника Джона «Скипа» Сэдлера о том, что два батальона племени мон, которых поддерживает ЦРУ, пытаются отбить ключевой опорный пункт на плато Боловенс, но противник «ежедневно выбивает из них говно». С каждым днем возрастала угроза, что эти батальоны будут полностью уничтожены, а с ними исчезнет и всякая надежда отбить у противника Южный Лаос.

В этой критической ситуации представитель ЦРУ спросил «Скипа», не может ли ГИН десантировать одну роту глубинной разведки в точку, расположенную примерно в 40 милях (65 км) от вышеозначенного опорного пункта, чтобы эта рота устроила заварушку в тылу СВА и оттянула на себя часть сил противника?

Безусловно, для выполнения подобной совершенно секретной миссии не существовало более подходящей организации. Базировавшаяся в Южном Вьетнаме ГИН в течение вот уже 5 лет осуществляла возглавлявшиеся американцами тайные операции на территории Лаоса, Камбоджи и Северного Вьетнама. Рейд в район коридора в восточной части Лаоса, где проходила известная «Тропа Хошимина» и где находились крупные силы противника, был непростой задачей, но, с другой стороны, этот район до сего времени оставался непотревоженным: ни одна рота рейдовиков ГИН не рисковала забираться так далеко в глубь Лаоса, а потому рейд сулил выгодные возможности.

Однако, как отметил Сэдлер, объект находился вне назначенной ГИН операционной зоны, ввиду чего на проведение подобной операции требовалось специальное разрешение посла США во Вьентьяне. «Он уже дал согласие», — объявил представитель ЦРУ. После утверждения плана командующим вооруженными силами США во Вьетнаме генералом Крейтоном Абрамсом операция, получившая условное название «Тэйлвинд», стала реальностью.

Четвертого сентября 1970 года дислоцировавшаяся в городе Контум, Южный Вьетнам, рота «В» 5-й группы войск специального назначения армии США была поднята по тревоге. Возглавить операцию было поручено уже немолодому капитану Юджину Маккарли, имевшему фигуру портового грузчика, но отличавшемуся дружелюбием типичного жителя маленького провинциального городка. Провоевав несколько сроков во Вьетнаме, где начинал службу в звании сержанта, Маккарли, которого все его подчиненные характеризовали как человека весьма «представительного» и «интеллигентного», глубоко разбирался в вопросах тактики.

Вверенная ему рота глубинной разведки, в которой насчитывалось 120 человек, была организована по аналогии с пехотной ротой армии США, но только все офицерские и сержантские должности были заполнены «зелеными беретами» армии США, а рядовые солдаты роты «В», в частности, были набраны из представителей горных племен.

Поскольку объект находился в 60 милях (96 км) северо-западнее города Дакто, который избрали в качестве исходного района, было признано нецелесообразным задействовать для доставки столь многочисленного десанта на такое расстояние транспортно-десантные вертолеты «Huey», и командование ГИН обратило свои взоры на тяжелые вертолеты СН-53 «Sea Stallion» фирмы Сикорского, способные перебросить роту глубинной разведки за один рейс.

Единственной в Южном Вьетнаме эскадрильей СН-53 была базировавшаяся на Дананге 463-я вертолетная эскадрилья Корпуса морской пехоты США. Хотя у летчиков этой эскадрильи не было опыта полетов за линию фронта, им ничего не оставалось, как приступить к выполнению боевой задачи.

Операция «Тэйлвинд»

Одиннадцатого сентября огромные вертолеты фирмы Сикорского, которых сопровождали 12 оснащенных двумя двигателями вертолетов огневой поддержки «Cobra», взяли на борт 16 американцев и 110 горцев роты «В», дозаправились в Дакто и полетели дальше. Операция «Тэйлвинд» началась.

Полсотни миль армада вертолетов летела параллельно границе, затем повернула на запад, в высокогорный район Лаоса, и почти сразу же попала под обстрел крупнокалиберных зенитных пулеметов Северо-Вьетнамской армии. Пули раз за разом прошивали обшивку пола просторных грузовых отсеков вертолетов, рассчитанных на перевозку тяжелого автотягача с полуприцепом, издавая при этом звук, как при стрельбе из духового ружья по консервной банке. Его не могли заглушить даже свиствевшие турбины. Но вертолеты, неуклюже маневрируя между заросшими джунглями холмами и голыми известняковыми утесами, продолжали свой полет.

Внутри одной из машин кровь брызнула в потолок, и один из десантников, получивший тяжелое ранение, упал на пол. Остальные расступились, чтобы дать медику возможность оказать ему помощь. Прилетела новая пуля, и опять кто-то свалился, потом еще и еще... Затем транспортные вертолеты снизили скорость и начали описывать круг с большим радиусом, давая вертолетам огневой поддержки «Cobra» возможность выпустить начиненные белым фосфором реактивные снаряды, чтобы укрыться от наблюдения зенитчиков. Вертолеты «Sea

Stallion» стали снижаться, и вскоре обстрел с земли почти прекратился.

После посадки открылись створки дверей грузового отсека, через которые стало видно ярко светившее солнце и покрытую буйной зеленью землю. Пока вертолеты «Sea Stallion» взлетали, а в небе еще продолжали крутиться истребители и вертолеты огневой поддержки, колонна десантников уже двинулась к опушке леса. В течение трех последующих суток, ежедневно, целый день над головами рейдовиков будут крутиться вертолеты огневой поддержки «Cobra», штурмовики А-1»Skyraider» и самолеты огневой поддержки АС-130 «Spectre».

Капитан Маккарли приказал, не теряя ни минуты, ускоренным маршем двигаться в северо-западном направлении, так как знал, что любое промедление позволит бойцам СВА догнать и обстрелять рейдовиков, вынудив их занять оборону, а затем и перейти против них в атаку. Находясь в движении, Маккарли сохранял инициативу.

Едва десантники покинули район высадки, как услышали трели полевого телефона. Идя на звук, они обнаружили отделение бойцов СВА, которые, сделав несколько выстрелов, убежали. Затем головное отделение рейдовиков доложило об обнаружении подземных бункеров, которые располагались всего в какой-то четверти мили (400 м) от места высадки.

Настоящий клад на поле боя

Маккарли приказал двум взводам занять оборону по периметру, пока несколько отделений занимались обследованием того, что оказалось на их пути. «Это было просто поразительно», — рассказывает специалист 5-го класса Крейг Шмидт.

Подземные бункеры, вытянувшиеся в цепочку почти на 500 ярдов (примерно 500 м), были до отказа заполнены 122- и 140-мм реактивными снарядами, каждый длиной около 6 футов (1,83 м). Их там были многие тысячи. Они предназначались для обстрела городов Дананг и Чулай, расположенных в сотне миль (160 км) восточнее.

Но теперь этого не случится. Шмидт и сержант 1-го класса Джим Бревель поспешно заложили в каждом из 20 бункеров по подрывному заряду, соединив их детонирующим шнуром. Когда рота двинулась вперед, они запалили шнур, рассчитанный на 30 минут горения.

Рота «В» успела отойти на 1000 ярдов (915 м) в западном направлении, когда земля дрогнула от мощного взрыва. За ним последовали еще 30 взрывов — лучшая музыка для подрывника войск специального назначения. Ракеты продолжали рваться еще в течение 12 часов, и эхо этих взрывов несло с собой вызов: ну-ка, попробуй прийти и помешать нам, а если не сделаешь этого в ближайшее время, мы разнесем все в округе в радиусе 10 миль (16 км).

Один взвод СВА решил принять вызов. Маккарли вел перестрелку с северовьетнамцами в течение примерно часа, после чего отошел, вызвав для удара по ним несколько групп истребителей-бомбардировщиков. Обойдя противника, Маккарли продолжил движение в западном направлении. В бою несколько горцев получили тяжелые ранения, поэтому рота глубинной разведки подготовила посадочную площадку для вертолета службы медицинской эвакуации. До прибытия вертолета их атаковали около 150 северовьетнамских солдат. Рейдовики отбили атаку, вызвав непосредственную авиационную поддержку, после чего вместе с ранеными двинулись дальше на запад.

К тому времени уже почти совсем стемнело. Пора было разбивать бивуак на ночь и выставлять охрану по периметру — по крайней мере, именно этого ожидали от них северовьетнамские солдаты. Полный решимости не останавливаться надолго, чтобы противник не успел сконцентрировать против него крупные силы, Маккарли приказал роте «В» продолжать движение.

Движущаяся мишень

В течение ночи рота глубинной разведки постоянно сталкивалась на своем пути с малочисленными подразделениями СВА, и каждый раз либо залп с самолетов огневой поддержки АС-130, либо решительная атака вынуждали противника отступить. Ничто не могло остановить рейдовиков. Если им противостояли значительные силы, Маккарли вызывал авиационную поддержку и обходил противника справа или слева, но продолжал двигаться вперед. Всю ту ночь они шли на запад, в глубь территории Лаоса, — и чем дальше они продвигались, тем более серьезную угрозу для противника представляли и тем лучше выполняли свою отвлекающую роль.

К рассвету девять американцев и еще большее число горцев были ранены. Ротный медик сержант Гэри Майкл Роуз обрабатывал раны и возвращал людей в строй. Вскоре после восхода солнца они натолкнулись на небольшой пост, который обороняли пять солдат СВА. Затем еще около сорока северовьетнамцев атаковали их с левого фланга при поддержке минометов и реактивных установок залпового огня. Рота «В» с боем прорвалась через пост и вызвала удары авиации по остальным группам солдат противника.

К полудню рота взобралась на горный хребет и продолжила движение вдоль гребня, оказавшись на полмили (800 м) выше автомагистрали №165. Когда джунгли стали реже, рейдовики смогли разглядеть автомагистраль и на ней двигавшуюся параллельным маршрутом длинную колонну пехоты СВА, а также с десяток грузовых автомобилей. Маккарли вызвал штурмовики А-1, которые уничтожили грузовики и рассеяли пехоту. «Увидев, сколько солдат противника находится на дороге, я понял, что, если бы они точно знали, где мы, легко могли бы всех нас перебить», — рассказывал впоследствии Крейг Шмидт.

Чтобы держать противника в неведении относительно своих сил и намерений, тактически грамотный Маккарли вел своих людей вне дорог и нахоженных путей, передвигаясь по руслу ручьев, узкими тропинками или напрямик через джунгли, если на пути попадались участки местности с редкой растительностью. И всякий раз, когда войска СВА пытались преградить ему путь, он нацеливал на них штурмовики «Skyraider», вертолеты «Cobra» или истребители-бомбардировщики «Fantom» и обходил противника.

При наличии более двух десятков раненых, некоторые из которых были в тяжелом состоянии, движение роты «В» замедлилось. За тяжелоранеными прибыл вертолет службы медицинской эвакуации, в котором прилетели два медика, штаб-сержант Джон Паджетт и сержант Джон Браун. Массивный вертолет фирмы Сикорского был встречен сильным огнем солдат СВА; пули прошивали его тонкую алюминиевую обшивку.

Лежа на опущенной задней аппарели вертолета СН-53, Браун удерживал за поясной ремень Паджетта, когда тот пытался дотянуться до раненого, которого ему подавал ротный медик Гэри Майкл Роуз. Не успели поднять на борт первого раненого, как противник усилил огонь. Пилот был вынужден поднять машину в воздух и заложить правый вираж, во время которого в

Первый лейтенант ВВС США Том Стамп, пилот самолета А-1 «Skyraider», награжденный за выдающееся летное мастерство и помощь в подавлении вражеского огня, что позволило вывести из тыла противника отряд.

середину фюзеляжа вертолета попала реактивная противотанковая граната.

Паджетт убежден, что в CH-53 летел сам Господь Бог, ибо реактивная граната, пробив брюхо, влетела в грузовой отсек и вылетела через топливный бак, обрызгав всех высокооктановым топливом, но не взорвалась. Подбитый вертолет проковылял в воздухе около 5 миль (8 км), после чего плюхнулся посреди пустых подземных бункеров. Через 20 минут прилетел другой CH-53. Пока члены экипажа и медики бегали туда-сюда по трапам, втаскивая внутрь раненых, по нему открыли огонь вражеские пулеметы калибра.51 (12,7 мм). Пилотам удалось улететь, но через 5 минут вертолету пришлось совершить вынужденную посадку. Это был второй потерянный за день тяжелый вертолет фирмы Сикорского. Но людей сумел вывезти еще один прилетевший вертолет.

Молодой ротный медик Гэри Роуз сбился с ног, пытаясь сохранить жизнь всем раненым и лично помогая выносить с поля боя наиболее тяжелых из них. Несколько раз он под огнем приходил на помощь раненным в бою американцам и горцам. «Неоднократно ему приходилось заниматься сразу с тремя, четырьмя и даже пятью ранеными», — вспоминал Крейг Шмидт.

Свою вторую ночь в тылу противника рейдовики были вынуждены посвятить отдыху. Капитан Маккарли заставил их зарыться в землю на вершине нависшего над автомагистралью холма, самой высокой точки, которую ему удалось отыскать поблизости.

Вскоре после наступления сумерек солдаты СВА открыли беспокоящий огонь по позициям роты. Из темноты преимущественно летели реактивные противотанковые гранаты. Им отвечали подрывом противопехотных мин направленного действия и огнем с самолетов огневой поддержки «Spectre». Мало кому из личного состава роты удалось поспать.

Гэри Роуз — это Гэри Роуз

Одна граната взорвалась рядом с подрывником Крейгом Шмидтом и медиком Гэри Роузом, засыпав обоих осколками. Были тяжело ранены также два оказавшихся поблизости горца. Не обращая внимания на собственные раны и огонь противника, Роуз ползком добрался к ним и перевязал их раны. Когда другие спали, Роуз работал; когда другие принимали пищу, Роуз работал. Он ни разу не пожаловался на усталость, он просто занимался спасением жизней товарищей. «Он делал все, что требовалось», — скажет потом Шмидт.

Не приходилось сомневаться в том, что на рассвете СВА атакует крупными силами, поэтому за час до рассвета люди капитана Маккарли уже были в пути. День третий был длинным и напряженным, но он прошел так же, как день второй: на марше рота «В» отбивала атаки, уничтожала встречавшиеся на ее пути склады оружия и боеприпасов и неуклонно двигалась в западном направлении.

К следующему утру рейдовики в большинстве своем были настолько утомлены, что им хотелось лечь и умереть. После высадки с вертолетов они с боями прошли 15 миль (24 км) по бездорожью в густых джунглях — темп исключительно высокий. С утра четвертого дня они продвигались на запад в течение еще 3 часов, когда авангард попал под огонь группы солдат СВА, которые после этого скрылись в джунглях, где были выкопаны подземные бункеры.

Маккарли решил, что бункеры можно захватить. Обработав позиции ударами с воздуха и огнем стрелкового оружия, бойцы роты глубинной разведки пошли в атаку. Крейг Шмидт и еще один командир отделения, сержант Мануэль Ороско, развернули своих людей в цепь и ринулись вперед. Противник отступил, оставив батальонный базовый лагерь, но из двух бункеров продолжали огрызаться огнем окруженные со всех сторон защитники. Под прикрытием плотного огня, не дававшего солдатам СВА поднять головы, двое горцев подобрались к ним поближе и забросали бункеры гранатами.

Базовый лагерь был захвачен, но к этому времени число раненых в роте «В» увеличилось до 49 человек — почти 50% личного состава, и единственный переутомленный медик, Гэри Роуз, сам дважды раненный, едва справлялся с таким наплывом пациентов.

Пока Роуз творил чудеса, остальные рейдовики занимались прочесыванием многочисленных потаенных уголков базового лагеря. Было найдено 58 тел солдат СВА, но никаких представляющих разведывательную ценность документов не обнаружили. Нашли также четыре грузовых автомобиля, 120-мм миномет и 9 т риса.

Самая ценная добыча — разведданные

Затем одна из партий, производивших обыск в базовом лагере, вызвала капитана Маккарли в большой бункер, расположенный на глубине 12 футов (3,65 м) под землей. Стены бункера были обвешаны картами, а в ящиках столов и в сумках хранились буквально сотни фунтов (1 фунт равен 0,453 кг) документов.

Ясно, что здесь было нечто большее, чем просто батальонный базовый лагерь. Представлялось вероятным, что здесь располагался крупный командный центр тылового обеспечения, быть может, штаб, контролировавший перевозки на проходившей поблизости автомагистрали №165. «Упакуйте все документы», — приказал Маккарли. Рейдовики намеревались унести их с собой. Менее чем через 30 минут после захвата базового лагеря рота «В» возобновила свой поход, уничтожив перед этим все грузовые автомобили.

После выхода из лагеря рейдовиков то и дело атаковали мелкие подразделения СВА. Шли четвертые сутки рейда. Передовой авианаводчик над их головой мог видеть, как части и подразделения противника стягиваются к месту нахождения роты «В» с двух направлений. К этому моменту все американцы имели ранения, а несколько человек, в частности Шмидт и Роуз, были ранены не по одному разу. Пора было выбираться к своим.

Чтобы облегчить передвижение, Маккарли вывел своих людей из джунглей на более или менее хорошую дорогу, что позволило им двигаться быстрее. Отделение солдат СВА попыталось их остановить, но удары с воздуха и решительная атака позволили покончить с ними. Затем пришло сообщение, что к рейдовикам вылетели вертолеты CH-53 Корпуса морской пехоты США, которые должны прибыть через 30 минут.

Несмотря на нарастающую усталость, Маккарли не утратил способности мыслить тактически грамотно: он отказался принимать вертолеты на первой же встретившейся на пути пригодной посадочной площадке, так как на близлежавшей высотке засели вражеские пулеметчики, которые вполне могли обстреливать огромные вертолеты фирмы Сикорского.

Непосредственно перед прилетом вертолетов рота «В» сумела отыскать другую посадочную площадку и заняла оборону по ее периметру. Летавший в самолете передового авианаводчика представитель командования ГИН Уильям «Кантри» Граймс вызвал туда штурмовики А-1, которыми командовал майор ВВС США Арт Бишоп. Штурмовики имели в боекомплекте авиационные бомбовые кассеты CBU-30, снаряженные бомбочками со слезоточивым газом, чтобы ослеплять зенитчиков.

Один из вертолетов CH-53 совершил посадку и забрал тяжелораненых, а также все захваченные у противника документы. По посадочной площадке открыли огонь вражеские минометы, которых попытались подавить истребители-бомбардировщики «Phantom», обрушившие на головы противника в одном заходе с десяток напалмовых контейнеров. Первый лейтенант ВВС США Том Стам — впоследствии награжденный за свои подвиги в этой операции крестом «За летные боевые заслуги» — искусно маневрировал на своем штурмовике А-1 под нижней кромкой облачности,

между поросшими джунглями холмами, чтобы сбросить авиационные бомбовые кассеты и напалмовые контейнеры точно на головы приближавшихся к роте «В» групп вражеских солдат.

Не имея желания увязнуть в схватке с противником за данную посадочную площадку, Маккарли увел два своих оставшихся взвода к другой площадке, где благодаря ударам вертолетов огневой поддержки «Cobra» и штурмовиков «Skyraider», а также внезапности посадки транспортных вертолетов плотность огня противника была незначительной. Еще один взвод роты «В» сумел благополучно погрузиться в севший вертолет и улететь домой. Теперь уже сотни солдат СВА устремились с близлежавших холмов к оставшимся рейдовикам, поливая их почти непрерывным огнем.

Оставшись всего с одним взводом, Маккарли смело повторил свой тактический прием, отказавшись от ставшей опасной посадочной площадки ради другой. Вертолеты огневой поддержки «Cobra» и штурмовики А-1 теперь наносили удары впереди и позади перемещавшихся бегом последних оставшихся на земле 40 человек из роты «В», используя реактивные снаряды, авиационные пушки и авиационные бомбовые кассеты, в том числе снаряженные бомбочками со слезоточивым газом.

Командир покидает поле боя последним

К тому времени, когда Маккарли со своими людьми достиг поросшего слоновьей травой поля, размеры которого позволяли вертолетам CH-53 совершить посадку, по радио пришло сообщение, что время нахождения вертолетов над целью почти что истекло. «Быстро эвакуируйся, — сказали ему, — или начинай маневр уклонения от противника!» Бойцы роты «В», которых преследовали по пятам солдаты СВА, выбежали на поросшее 6-футовой (182-сантиметровой) травой поле в тот момент, когда столь желанная для них винтокрылая машина коснулась колесами земли. Последним на борт поднялся капитан Маккарли.

Операция по обратной доставке рейдовиков к своим оказалась экстраординарной. В ней были задействованы 72 американских истребителя-бомбардировщика и штурмовика, которые сбросили на противника почти полмиллиона фунтов (около 227 тыс. кг) бомб, реактивных снарядов и напалмовых контейнеров. «Если бы не непосредственная авиационная поддержка, — вспоминал один из участвовавших в этом рейде военнослужащих роты «В», — мы бы никогда не выбрались оттуда». Парни из ГИН могли испытывать только чувства глубокой благодарности к авиаторам, летавшим на штурмовиках А-1, и к летчикам Корпуса морской пехоты США, которые неоднократно прилетали им на помощь, прорываясь сквозь плотный огонь с земли, но ни разу не струсили. «Да, они воевали хладнокровно, очень хладнокровно», — сказал о них один из участников рейда.

В роте «В» три горца были убиты и 33 ранены. Ранены были и все 16 американцев. За трое суток напряженных боев рейдовики уничтожили 144 солдата СВА и ранили еще 50 человек. По косвенным данным, 288 человек были уничтожены в результате ударов с воздуха.

Руководство ЦРУ США было «весьма удовлетворено» тем, что отвлекающая операция ГИН действительно помогла спасти их оказавшиеся под угрозой батальоны племени мон, которые сумели затем отбить у противника ранее захваченный им опорный пункт. Но эти чувства не разделяло командование десантного корпуса морской пехоты во Вьетнаме, недовольное потерей трех стоящих многие миллионы долларов вертолетов CH-53.

Однако затем разведывательный отдел (J-2) десантного корпуса морской пехоты во Вьетнаме изучил захваченные у противника документы и нашел в них не крупицы, но целую золотую жилу: 400 страниц содержали подробные данные, которые старшие начальники из разведки командования вооруженных сил США во Вьетнаме оценили как «самую ценную разведывательную информацию по функционированию «Тропы Хошимина», добытую с начала войны». «Начальник разведотдела десантного корпуса морской пехоты во Вьетнаме генерал-майор Поттс был вне себя от радости», — констатировал подполковник Гален Радке из ГИН. Начальник ГИН полковник Сэдлер докладывал: «Поттс и Абрамс сказали мне, что они недооценивали всю значимость «Тропы Хошимина», пока не ознакомились с захваченными документами».

Двумя неделями позже в город Контум прилетели экипажи транспортных вертолетов морской пехоты CH-53 и вертолетов огневой поддержки «Cobra», чтобы вместе с военнослужащими роты «В» отпраздновать успешное выполнение боевого задания. Им не пришлось покупать себе спиртное в течение всей ночи. «Я не могу нахвалиться этими ребятами, — сказал Крейг Шмидт, — они были просто великолепны».

Решение о наградах пересматривается

Капитана Маккарли представили к кресту «За выдающиеся заслуги», а героический медик Гэри Майкл Роуз, в одиночку перевязавший 60 раненых и сам трижды раненный, был представлен к ордену Почета. К сожалению, обоих наградили менее ценными наградами.

И, пожалуй, единственный положительный результат в целом неудачной акции телекомпании CNN и журнала «Time», которые попытались по-своему рассказать об операции «Тэйлвинд», состоял в том, что, когда министр обороны США Уильям Коэн имел личную встречу с Маккарли и Роузом, узнал об их храбрости и о том, что 28 лет назад бюрократическая машина лишила их заслуженных наград, он приказал пересмотреть дела об их награждении. Таким образом, возможно, через четверть века эти ветераны ГИН получат признание, в котором им отказали в 1970 году «в интересах национальной безопасности».

Фото сверху: командир операции «Тэйлвинд» капитан Юджин Маккарли (слева) после четырех дней интенсивных боев.

Фото слева: Медик Гэри Майкл Роуз (в центре), в одиночку обработавший раны 60 человек, хотя сам был ранен трижды. Сейчас пересматривается вопрос о его награждении.

ТЕРРОР В ИРАНЕ

Эл Дж. ВЕНТЕР

Фото Криса КАТШЕРЫ

В Вашингтоне, федеральный округ Колумбия, опубликован необычный документ, автором которого является г-н Мехди Хоршиди, один из лидеров организации «Иранская Национальная Конференция» — действующей в изгнании оппозиционной группы, которая является объектом преследований со стороны Корпуса стражей исламской революции (КСИР).

Он безоговорочно верил в то, что иранская революция спасет мир. Как ученик и последователь покойного аятоллы Рухуллы Хомейни, Мехди Хоршиди (Повстанец, как именуют его сегодня в средствах массовой информации Тегерана) верил, что его наставник когда-нибудь станет новым Ганди. «Вместо этого тот оказался новым Нероном».

Хотя от нового правительства Ирана во главе с президентом Сайедом Мохаммадом Хатами поступают многочисленные знаки доброй воли, в недавно опубликованном докладе государственного департамента США по Ирану говорится, что «Тегеран несет ответственность за смерть по меньшей мере тысячи «врагов государства» с 1979 года». К сожалению, президентская власть в этой стране является номинальной; реальная власть остается в руках Божественного Наставника — нынешнего религиозного лидера Ирана Сейида Али Хаманеи. Не путать с Рухуллой Хомейни, ныне покойным.

Иранские агенты активно действуют почти во всех европейских странах, в большей части государств Северной Африки, а также в ряде азиатских. Полагают, что только в Европе было ликвидировано около 80 иранских диссидентов. Некоторых из агентов, ответственных за эти преступления, недавно привлекли к суду в Германии.

Источники в ряде американских правительственных ведомств предупреждают, что КСИР готовит для подрывной деятельности за рубежом группы людей, включающие мужчин и женщин. Одна весьма могущественная группировка из состава КСИР нашла пристанище в Судане, на побережье Красного моря. Известно, что КСИР осуществляет подготовку разнообразных повстанческих групп, в том числе фундаменталистских диссидентов из Египта, Алжира, Туниса, Эритреи, Уганды и других стран. Деятельность такого рода не могла бы иметь места, если бы она не была санкционирована определенными правительствами.

Информационный бюллетень «Iran Brief» в июне прошлого года сообщал, что подрывная деятельность Ирана расширяется. В сообщении, в частности, говорилось: «Высокопоставленные оперативные работники иранских спецслужб тайно прибывают в США». Один из их агентов осуществил на территории США политическое убийство, жертвой которого стал г-н Али Табатабаи, бывший дипломат посольства Ирана в Вашингтоне, открыто выступавший с критикой революционного режима своей страны. Его убил наемник американской организации «Черные мусульмане» Дэвид Белфилд, который впоследствии бежал в Иран.

Сейчас в разведывательных кругах Запада уже не сомневаются в том, что за недавними взрывами, направленными против американских и саудовских объектов на Аравийском полуострове, стояли и иранские террористические организации. Впрочем, еще в начале 90-х годов американских граждан в ряде стран Персидского залива предупреждали о том, что они могут явиться объектами атак террористов, подготовленных в учебных центрах Ирана.

В соответствии с государственной политикой Ирана, который делает все возможное, чтобы избегать прямых обвинений своей страны в террористической деятельности, лишь очень немногие из числа используемых Ираном террористов являются лицами иранской национальности. Часть из них — палестинцы или саудовцы. Несколько больше ливанцев, египтян, алжирцев, суданцев и представителей других национальностей.

По этой и некоторым другим причинам трудно оценить действительные масштабы участия Ирана в подрывной деятельности, поскольку Тегеран научился чрезвычайно искусно заметать следы. Как рассказывал один иранский перебежчик, Иран в данном случае руководствуется идеей о том, что террористический акт против какого-либо крупного объекта вроде нью-йоркского Центра международной торговли (особенно если при этом применяется биологическое или химическое оружие), совершенный многонациональной группой, труднее расследовать, сложнее покарать его организаторов и вдохновителей.

Вот конкретный пример из времен гражданской войны в Ливане: организация «Исламский Джихад» в Бейруте в то время — и сегодня — контролируется из Тегерана через цепочку посредников. Длительное время у «Исламского Джихада» не было явного лидера. Не было никого, кто бы поддерживал связи со средствами массовой информации или с дипломатическим сообществом. Если руководство организации и устанавливало контакты, то лишь через нанятых на улице посыльных, которым давали документ, некоторую сумму денег и адрес, по которому нужно было доставить пакет.

Впоследствии через сложную тайную сеть арабского мира удалось установить, что руководит организацией «Исламский Джихад» пользующийся дурной славой Имад Мугние, который, как сообщает арабский журналист Хала Джабер, был членом «элитного» формирования Организации освобождения Палестины — так называемой «Команды 17», которую возглавлял один из пользовавшихся наибольшим доверием помощников Ясира Арафата, некий Али Хасан Салам, также известный как Абу Хасан. Мугние и его близких дружков обычно называли «исламистами Хомейни». Все эти люди, как нам сейчас известно, имели связи с Корпусом стражей исламской революции.

Бывший иранский президент Абуль Хасан Банисадр — вот уже 15 лет живущий в изгнании в Европе — именно так и сказал, когда выступал в Берлине в 1997 году перед представителями средств массовой информации. Это высказывание было сделано в связи с обсуждением вопроса о выдаче ордера на арест бывшего министра разведки Ирана Али Фалахьяна-Хузе,

Только Божественный Наставник, иначе Уста Аллаха — аятолла Хаманеи, — имеет право приговаривать людей к смерти

которого обвинили в убийствах своих соотечественников за рубежом. Банисадр заявил суду, что убийства были санкционированы совместно иранским религиозным лидером Хаманеи и тогдашним президентом страны Хашеми Рафсанджани.

Банисадр рассказал, что в настоящее время в Тегеране под крышей различных министерств и ведомств действуют 17 тайных организаций, которые занимаются терроризмом, преимущественно за рубежом. Он сообщил немецкому прокурору в Берлине подробности о тайных структурах, их функциях и раскрыл имена множества связанных с ними людей. Он также подчеркнул, что, в соответствии с иранской конституцией, только Божественный Наставник, иначе Уста Аллаха — аятолла Хаманеи, — имеет право приговаривать людей к смерти.

«Это решение не может быть политическим, — сказал Банисадр. — А сегодня они признают, что эти убийства оправданы с религиозной точки зрения».

Банисадр поведал, что в 1987 году тогдашний президент Ирана Рафсанджани издал указ об образовании специального совета по рассмотрению дел, которые следует сохранять в полной тайне и которые нельзя передавать для обсуждения или принятия решения в иранский парламент. К таким «тайным» делам были отнесены, среди прочих, тайные соглашения с зарубежными странами, закупки вооружений, подробные сведения об иранских программах разработки ядерного, химического и биологического оружия, а также сведения об акциях в отношении противников режима в стране и за рубежом.

Банисадр свидетельствует

Он продолжал: «Членами тайного совета являлись религиозный лидер Хаманеи, президент Рафсанджани, бывший министр иностранных дел Али Акбар Велайяти, бывший министр внутренних дел Али Мохаммад Бешарати-Джарами, тогдашний министр разведки Али Фалахьян, главнокомандующий КСИР Мохсен Резаи, бывший шеф секретных служб, а сегодня руководитель созданного Хаманеи Специального бюро Рейшари и директор разведки Специального бюро Хиджази». Многие из этих людей были заменены вновь избранным президентом Хатами, но по-прежнему имеют в своих руках достаточную власть.

Банисадр признался, что даже после многих лет проживания в изгнании он сохраняет возможность внимательно отслеживать события в своей стране. Информацию он получает в том числе и из источников в правительстве. Многие, сказал он, разочарованы жесткой линией Хаманеи, фундаменталистским подходом к социальным и политическим проблемам. Они очень хотят перемен, что и способствовало приходу к власти Хатами, однако у того пока что связаны руки.

Важно понять, какие причины обусловили нынешнюю ситуацию в Иране. В основном это было связано с успехом

С автоматом Калашникова обращаются ныне в белых перчатках. Рады ли эти люди, что находятся здесь? Скорее всего нет. Но члены иранских иррегулярных формирований готовятся к чему-то значительному, ибо, как известно, зарубцевавшиеся душевные раны навсегда сохраняют чувствительность к антизападным призывам.

революции, когда аятолла Рухулла Хомейни начал свою программу преобразований, известную как «Проект иранской революции». В двух словах целью его программы являлось дальнейшее распространение ислама путем возрождения Всемирной исламской нации, центром которой он представлял себе Иран. Себя он видел в роли ее главы, Главы всех правоверных мусульман мира. Вероятно, уже в то время Иран стремился к имперскому размаху. Тогда же, по словам Банисадра, было решено, что инструментом воплощения в жизнь имперских амбиций должен стать КСИР.

Хотя в стране, почти равной по территории Аляске и к тому же ненавидящей иностранцев, невозможно уследить за всеми известными центрами подготовки террористов, некоторые из них все-таки были выявлены.

Первый иранский лагерь подготовки террористов, расположенный в местечке Манзари-Парк, на северной окраине Тегерана, сегодня является распределительным и координационным центром для завербованных Ираном иностранцев — в числе которых можно встретить американцев (преимущественно чернокожих) и ирландцев (членов Ирландской республиканской армии). По оценкам, в период с 1981 года до начала 90-х годов в лагере «Манзари» было подготовлено более 3000 террористов.

Лагеря подготовки террористов были обнаружены также в городе Хамадан, югозападнее столицы; в городе Казвин, на северо-востоке; самый крупный лагерь — «Имам Али» — размещается восточнее Тегерана; в нем сосредоточено большинство иностранных граждан.

Террористические группы, захваченные турками в октябре 1994 года, прошли подготовку в иранском лагере «Имам Али». Турецкая разведка — применив методы убеждения — сумела получить от этих людей сведения, которые позволили достаточно точно нарисовать профиль работы иранской разведки в тот период.

Проверяют знания и навыки «выпускников» (а также готовят бомбистов-самоубийц) в учебном центре, который расположен в местечке Марвидешт, южнее столицы, на плато Персеполис, чуть в стороне от автомагистрали Тегеран — Исфахан.

Бежавший на Запад полковник Али Вассеги рассказал, что, по его данным, программа подготовки террористов включает использование приговоренных к смерти заключенных, которых заставляют гнать навстречу друг другу грузовые автомобили, наполненные взрывчаткой, чтобы после столкновения оценить воздействие взрыва на конкретные объекты. Как сказал полковник, это — прелюдия к новым взрывам, направленным против объектов Запада и осуществляемым самоубийцами.

Еще одним крупным центром подготовки повстанцев является лагерь «Бушир» на побережье Персидского залива, где расположены также предприятия, осуществляющие тайную программу разработки ядерного оружия. Там, на городском аэродроме, курсантов учат пилотировать одномоторный самолет «Пилатус-Портер» предположительно для того, чтобы в нужное время те сыграли роль камикадзе. (По некоторым сообщениям, эта деятельность стала темой одного из докладов американской разведки, после чего центр летной подготовки был передислоцирован в район города Вонсан, Северная Корея, хотя данная информация не подтверждена.)

Иранцы приобрели также самолеты других типов, в том числе легкие пассажирские «Сессна-Сайтейшн» и «Фолкон» с турбовентиляторными двигателями (по некоторым сообщениям, их предполагается использовать для атак на дома лидеров в странах Персидского залива и Ближнего Востока).

В районе города Бендер-Аббас КСИР организовал обучение террористов по программе подводных боевых пловцов-подрывников. Там же члены ливанской повстанческой организации «Хезболла» обучаются управлению двухместными подводными лодками (эти миниатюрные подводные аппараты подробно расписаны на плакатах, которые развешаны на всех израильских военных базах в Южном Ливане/Северной Галилее). В ряде учебных центров вокруг города Исфахан курсантов обучают минно-взрывному делу, в том числе тонкостям обращения с зарядами направленного действия и минами-ловушками.

В недавно поступивших из Ирана донесениях указывается, что теперь подготовка террористов для угона самолетов и совершения диверсий в аэропортах осуществляется в удаленном районе на северо-востоке

страны. Для этого в их распоряжение целиком выделен построенный по проекту западных специалистов аэропорт на окраине священного города Мешхед (недалеко от афганской границы). После того как американский корабль в Персидском заливе сбил пассажирский лайнер А-300 авиакомпании «Иран Эйр», аналогичный центр подготовки террористов был создан в Ширазе.

Обучение в центрах подготовки террористов прошли тысячи иранцев и большое число иностранных граждан. Хотя многие из них погибли в годы войны против Ирака, известно, что определенная часть выпускников по заданию своего руководства перебралась в страны Запада, выдавая себя за беженцев. Эти законсервированные агенты в течение десятилетия не занимаются подрывной деятельностью, но могут быть активизированы в любой момент.

Спустя почти 20 лет после того, как аятолла Рухулла Хомейни с триумфом возвратился в Иран, чтобы завершить революцию, которая имела целью образование Исламской Республики, страна остается, пожалуй, в еще большей изоляции, чем когда бы то ни было, исключая разве что интернациональные убийства.

Недавние свидетельства указывают, что иранские муллы вступили в более агрессивную «международную» фазу убийств людей. Правительство, по-видимому, готово подкреплять слова действиями, и именно поэтому, с точки зрения Вашингтона, Иран остается «главным государством — спонсором терроризма в мире».

Убивать во имя Аллаха

Среди террористических акций, в которых обвиняется Иран, можно назвать покушение на президента Египта Хосни Мубарака (в нем были задействованы агенты-суданцы); крушение панамского авиалайнера, летевшего по маршруту, которым пользуются преимущественно еврейские бизнесмены; уничтожение еврейского культурного центра в Аргентине; обстрел из пулемета молящихся в одной синагоге в Турции; а также организационно-техническую поддержку многих акций бомбистов-самоубийц в городах Израиля.

«Хезболла», — как сказал мне недавно убывший на родину военный атташе израильского посольства в Вашингтоне генерал-майор Яорам Яир, — получает на свою деятельность в Южном Ливане по меньшей мере 100 миллионов долларов США ежегодно. Некоторые говорят, что после интенсификации «освободительной борьбы» в Южном Ливане эта сумма примерно удвоилась».

По свидетельству бывшего директора Центрального разведывательного управления США Джеймса Вулси, который дал интервью журналу «The Middle East», если считать потери американцев после окончания Второй мировой войны, то боевики КСИР убили больше американцев, чем любая другая террористическая группировка. В этот список, подчеркнул Вулси, не вошли 19 летчиков Организации Объединенных Наций (все — американцы), которые погибли при взрыве казармы «Хобар Тауэрс» в городе Дахран в Саудовской Аравии.

Далее, директор Федерального бюро расследований США Луис Фрих недавно свидетельствовал на Капитолийском холме, что как ливанская террористическая организация «Хезболла», так и палестинская террористическая организация «Хамаз» «имеют на территории США своих людей, которые могут быть использованы для поддержки террористических акций».

Обстановка в Иране едва ли изменится к лучшему в результате того, что политика Мохаммада Хатами встречает одобрение широких слоев населения. Он стоит на либеральных позициях, но его не поддерживают муллы. Весьма значителен тот факт, что Хатами оказался единственным из четырех кандидатов (из первоначальных 238 человек), который прошел проверку и получил «добро» от исключительно консервативного иранского Совета Корпуса стражей исламской революции.

В любом случае, по конституции, иранский президент остается подчиненным духовному лидеру Хаманеи. В некоторых аспектах этот новый религиозный лидер страны пользуется сегодня даже более широкими полномочиями, чем его наставник, покойный аятолла Рухулла Хомейни. Это имеет очень большое значение для страны, занимающей третье место в мире по запасам нефти и второе — по запасам природного газа.

Для того чтобы понять механику поддерживаемого Ираном терроризма, важно разобраться в природе и масштабах власти, сосредоточенной в руках КСИР.

Поначалу Корпусу стражей исламской революции отводилась строго культурная роль. В свое время эта роль описывалась как «сохранение достижений исламской революции». В военном плане Корпус предназначается для оказания в случае необходимости поддержки регулярной армии Ирана, что он и делал с большим успехом в ходе ирано-иракской войны, когда его численность достигала своего пика — примерно 750 тыс. человек.

В настоящее время в КСИР насчитывается примерно 175 тыс. человек. В организационном плане Корпус располагает иерархической системой командования, которая через ее главнокомандующего замыкается непосредственно на Хаманеи. Один из министров в иранском кабинете занимается исключительно вопросами строительства Корпуса.

Личный состав Корпуса стражей исламской революции недавно был разделен на четыре категории: солдаты, боевики, офицеры и командиры территориальных сил. По состоянию на середину 90-х годов после реорганизации структура КСИР выглядела следующим образом: региональных штабов — 11 (укомплектованы полностью); бронетанковых дивизий — 2 (укомплектовываются личным составом только в связи с объявлением мобилизации); пехотных дивизий — 24 (регулярные). Это все так называемые «официальные» структуры.

КСИР, как говорит арабский журналист Хала Джабер, был создан «для распространения в массах идей революции и спасения всех обездоленных в этом мире от господства сверхдержав». Эту задачу, ссылаясь на слова Рухуллы Хомейни, сказанные им незадолго до смерти, предполагалось решать путем открытой военной интервенции (Ливан) и путем завуалированного политического вмешательства в других странах мира.

Сегодня КСИР особенно активен в зоне Персидского залива и в странах, которые встали на сторону Ирака в годы ирано-иракской войны. В Саудовской Аравии агенты Корпуса планировали и разжигали мятежи в период ежегодного хаджа. В Турции значительные усилия и денежные средства тратятся на то, чтобы попытаться разрушить недавно заключенный союз Анкары и Иерусалима.

Агенты КСИР работают «под крышей» во всех иранских посольствах. Они особенно активны в небольших странах, таких, как Кипр. В последнее время Вашингтон и Лондон рассматривают посольство Ирана в этой стране как один из крупных каналов инфильтрации в Европу сотрудников иранских спецслужб, в том числе боевиков-ликвидаторов.

Под дипломатическим прикрытием агенты КСИР вербуют иностранцев и создают агентурные сети во всем мире. Стесненный в средствах Судан, к примеру, покрывает значительную долю своих расходов на подготовку и оснащение повстанцев из других стран за счет поступлений от Корпуса. В свою очередь Хартум сдал в аренду ВМС Ирана на 20 лет две свои главные военно-морские базы на Красном море — Порт-Судан и Суакин.

Важно иметь в виду, что КСИР выполняет функции спецслужб в Иране, в том числе разведки и секретной полиции. Фактически в ведении Корпуса находятся все формы подрывной деятельности как в стране, так и за рубежом.

Бывший руководитель каирского бюро газеты «The New York Times» Джудит Миллер сказала мне, что в последнее время серия трагических «несчастных случаев» обрушилась на высокопоставленных правительственных чиновников и политиков.

В 1994 году в результате автомобильной катастрофы погиб начальник разведки в офисе Главы всех правоверных Хаманеи вместе с тремя старшими офицерами.

Годом позже командующий ВВС Мансур Сатари и семь его старших офицеров погибли при взрыве военного реактивного самолета во время взлета с военного аэродрома в Исфахане. Один из работающих в Тегеране дипломатов сообщил в частном порядке г-же Миллер, что взрыв самолета стал результатом диверсии.

Вскоре после этого Ахмед Хомейни, сын почившего Имама, все сильнее критиковавший и Хаманеи, и Рафсанджани, неожиданно и необъяснимо умер. Подозревают, что он был отравлен.

«В день ядерной катастрофы вы, возможно, предъявите обвинение Тегерану»

Командование КСИР несет ответственность за весьма обширные иранские ядерные программы, как открытую (Иран подписал Договор о нераспространении ядерного оружия), так и секретную. Один из ведущих иранских специалистов в области ядерной физики, некто Сардар Шафаг был генералом КСИР. В 1995 году он переместился на Запад из Москвы, где вел долгие переговоры с Минатомом. Шафаг дал ценную информацию по иранским ядерным программам, в том числе подтвердил, что Тегеран работает над проектом собственной ядерной бомбы.

В самом деле, трудно себе представить, как Тегеран сумеет опровергнуть совокупность доказательств, которые свидетельствуют, что он создает ядерную бомбу.

Двадцать седьмого августа 1997 года американский бюллетень «Nuclear Fuel» сообщил своим читателям подробности о совместной американо-германской операции, имевшей целью собрать доказательства стремления Ирана обзавестись собственным ядерным оружием. Исламской Республике Иран были предложены ядерные боеголовки из арсенала бывшего Советского Союза по 3 миллиона долларов США за штуку. Предложение было обставлено весьма изобретательно.

В 1993 году один немецкий бизнесмен из Ганновера подготовил сделку и предложил боеголовки иранскому офицеру по закупкам, а впоследствии дал показания немецкому прокурору. С иранской стороны сделку должна была заключать Организация оборонных отраслей промышленности, которая, как утверждает немецкая разведка, тайно занимается закупками ядерных и других военных технологий и систем оружия. В прошлом эта организация особенно активно действовала на территории Восточной Европы и бывшего Советского Союза.

Немецкому бизнесмену показали рекомендательное письмо иранской Комиссии по атомной энергии. Это был тот самый орган, который в начале 1996 года пытался купить ядерные технологии в Претории у Южноафриканской корпорации по атомной энергии.

Террористическая благотворительность

С 1991 года агенты КСИР ежегодно передают организации «Хамаз» около 20 миллионов долларов США на осуществление их варианта революции в Израиле. Представители организации «Хамаз» со своей стороны, правда, утверждают, что, если и получают какие-то суммы от Ирана, то очень небольшие — и в любом случае деньги всегда поступают слишком поздно.

Точно так же организация «Исламский Джихад» имеет свое представительство в Тегеране, как, впрочем, и десятки других фундаменталистских революционных организаций, от алжирского «Исламского фронта спасения» до сепаратистов Моро на Филиппинах и ультрафундаменталистской организации PAGAD в Южной Африке.

На Западе наиболее часто задаются вопросом, почему так много стран — и особенно из состава Европейского Союза — поддерживают «революционный» Тегеран? Иран активно стремится заполучить собственное ядерное оружие. В Иране осуществляются самые широкомасштабные в мире программы разработок химического и биологического оружия. К тому же репутация Ирана по части соблюдения прав человека сильно подмочена.

Знаки почтения, оказываемые реальному властителю страны — аятолле Али Хаманеи.

Не так давно Тегеран закупил северокорейские баллистические ракеты «Нодон-1» и китайские крылатые ракеты, которые способны достигать целей в Израиле и странах Персидского залива.

В середине 1977 года в ходе проведения серии длительных маневров своих ВМС Тегеран пытался продемонстрировать миру, что теоретически способен перекрыть Ормузский пролив, через который ежедневно транспортируется до трети всей доставляемой морским путем нефти в мире. На сегодняшний день Ирану мешает сделать это военное присутствие США в регионе. Однако необходимо иметь в виду, что с ядерными бомбами и, возможно, со средствами доставки ядерного оружия к целям Иран мог бы коренным образом повлиять на ситуацию в регионе.

Германия в особенности поддерживает с Тегераном весьма тесные отношения. В 1992 году по инициативе Бонна Европейский Союз принял политику «критического диалога», под знаменем которого европейские страны развивают свои связи с Ираном. Они также проявляют дипломатические инициативы, обмениваются парламентскими и правительственными делегациями на министерском уровне.

Пожалуй, самым заметным явлением стало сотрудничество разведок. Утечка информации в печать, недавно организованная некоторыми раздраженными немецкими участниками программы, свидетельствует о том, что немецкая разведка передала Тегерану компьютеры, программное обеспечение и аппаратуру для фотосъемки, которые могут быть использованы для подрывной деятельности. Известно также, что иранские агенты проходят подготовку под руководством немецких инструкторов не только в Иране, но и в штаб-квартире немецкой разведки в Мюнхене.

Директор немецкого Ведомства по защите конституции (который руководит всей контртеррористической деятельностью в Германии) Питер Фриш ясно дал понять, что Бонн достаточно осведомлен об иранской (и исламской) угрозе. Выступая в июне 1997 года перед участниками конференции по стратегическим исследованиям в Иерусалиме, он заявил, что экстремистские тенденции, проявляемые в настоящее время рядом исламских стран, представляют реальную опасность для всего мира в следующем столетии. Конкретно он упомянул и Иран.

В своем выступлении Фриш коснулся как темы стремления Ирана заполучить собственное ядерное оружие, так и вопросов наращивания его обычных вооружений, указав, в частности, что Иран закупил ракеты, которые могут поражать центр Германии (дальность стрельбы 3000 км).

Фриш также сообщил, что в настоящее время в Боснии находятся примерно 6000 моджахедов, доставленных из Афганистана. «При желании они могли бы с легкостью просочиться во все европейские страны», — сказал он участникам конференции. «Предполагается, что одним из главных фигурантов в деле является Иран, однако, как всегда, он старается действовать чужими руками, — указал Фриш. — Но нам достоверно известно, что деньги на содержание этой многочисленной армии моджахедов дает Иран».

Фриш был прямолинеен в своих высказываниях: «Мне неизвестно, какую роль играет организованная преступность в распространении ядерного оружия, но проблема приобретения этого оружия такими странами, как Иран, Ливия и Пакистан, существует, причем уже давно. Мы с некоторых пор стараемся этому противодействовать».

Что касается вопроса о стремлении иранских мулл к ядерному оружию, Фриш отметил: «Я не верю, что у них есть атомная бомба, но они делают все от них зависящее, чтобы ее заполучить».

Другие источники утверждают, что Тегеран в течение ближайшего года может провести испытания собственного ядерного устройства.

ПЕХОТНЫЙ УПРАВЛЯЕМЫЙ, или Как ковался щит Советской (Российской) Армии

Дмитрий ШИРЯЕВ
Фото автора,
Вячеслава АФОНИНА («Военный парад»)

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Боевой опыт применения ПТУРСов в афганской, а затем и в чеченской войнах явился подтверждением тому, что на поле боя для этого типа оружия, кроме танков, немало и других целей. Например, с расстояния в два километра его без особого труда можно направить в амбразуру укрепленной огневой позиции.

На протяжении долгого времени в нашей стране разрабатывали и в массовом порядке изготавливали различные виды этого оружия: пехотные, носимые и возимые, танковые и вертолетные.

Последние две буквы сначала означали «реактивный снаряд», но тем, кто получал деньги за разработку стандартов, это не понравилось, и в ГОСТ(е) появилось новое название: «ПТУР», где «УР» расшифровывалось как «управляемая ракета». Нашлись критики, утверждавшие, что правильнее этот вид техники именовать по-прежнему — ПТУРС, но с той лишь разницей, что РС — это будет «ракетный снаряд». Но что написано пером, то не вырубишь и топором. Да и какая, в общем-то, разница?

Первый ПТУРС появился еще в период Второй мировой войны, правда уже на завершающей ее стадии. Как и многие другие военные новинки, данное оружие было разработано немцами. Снаряд управлялся по двум проводам и обладал дальностью действия до 1600 метров. Кроме этого, у немцев были и другие виды управляемого по проводам оружия: в частности, миниатюрный танк-мина «Голиаф» и управляемые авиабомбы «Хеншель и Фриц-Х».

После окончания войны первой страной, разработавшей и внедрившей у себя это оружие, стала Франция. Принятый на вооружение французский ПТУРС назывался SS-10 (SS — земля-земля). Он имел ручное управление — стрелок, манипулируя рукояткой командного пульта, вырабатывал команды управления, которые передавались на снаряд по двум проводам.

У нас не сразу оценили новое и, как тогда казалось, экзотическое оружие. К нему довольно долго приглядывались, пока наконец военное и гражданское начальство не распорядилось приступить к созданию своего, советского, ПТУРСа.

Однако разработчики ряда отечественных КБ заявили: «А мы пойдем другим путем! Зачем управлять вручную? Ведь научиться этому очень непросто, да и вряд ли это удобно в стрессовой ситуации боя. Можно управлять снарядом, например, по инфракрасному лучу или еще лучше — по принципу «выстрелил и забыл», а снаряд сам найдет цель с помощью головки самонаведения». И был создан такой снаряд, получивший название «Глаз». Поражал «Глаз» танк отлично, но при одном условии: если... на танке зажечь стоваттную лампочку.

Немало было потеряно времени и наломано дров, пока не поняли, что при тогдашнем уровне техники рассчитывать на самонаведение или даже просто на полуавтоматическое наведение означало надолго отсрочить внедрение ПТУРСа в нашу армию.

Пришлось вернуться к первоначальной идее — наведение по проводам. И уже через некоторое время одно из многочисленных КБ, занимавшихся этим оружием, предложило управляемый по проводам ПТУРС «Шмель», а другое разработало управляемый радиокомандами ракетный снаряд «Фаланга». Оба — с ручным наведением. Мне самому довелось испытать эти образцы. Месяц просидел за тренажером управления «Фалангой», а после этого еще пару недель привыкал к совершенно иной рукоятке управления «Шмелем».

Столкнувшись с определенными трудностями, наши конструкторы стали приглядываться к зарубежным аналогам. Почти в каждом КБ и институтах Миноборонпрома были созданы так называемые «отделы информациии», сотрудники которых просматривали зарубежную открытую литературу, собирали досье. Однако сведений из открытой печати было явно недостаточно. В получении более подробных сведений помогало ГРУ.

ИНФОРМАЦИЯ СТОИТ ДОРОГО

Однажды мне поручили явиться в указанное место для встречи с представителями ГРУ и в установленном порядке получить от них некую материальную часть. «В установленном порядке» означало, что я должен был явиться с автомашиной, как минимум с одним сопровождением и при табельном оружии.

«Указанное место» оказалось довольно большим залом, перегороженным на две части плащ-палатками. С одной стороны за столами сидели женщины, занимавшиеся бумажными делами. Тут же, за плащпалатками, чего только я не увидел! Все это было подобрано на поле боя, состоявшегося недавно на Синайском полуострове. Меня поразило то, что рядом со всякого рода совершенно безопасным снаряжением типа оптических систем и радиоаппаратуры лежало различное взрывчатое барахло, причем иное даже в полуразобранном виде — со взрывателями и детонаторами!

На отдельном столе разместились остатки корпусов двух снарядов «Тоу», оставшиеся после взрыва их боевых частей. При первом же взгляде на эти бренные останки меня в жар бросило — в одном из корпусов сохранился бортовой излучатель вместе с электронным блоком, ксеноновой лампочкой и инфракрасным фильтром. На такую удачу я и не надеялся!

Нам было известно, что полуавтоматическое наведение «Тоу» на цель производится по свету этого излучателя. Для противостояния организованным и естественным помехам излучение это модулировалось. Если на борту танка установить источник излучения с такой же частотой, то для «Тоу» танк будет неуязвим — аппаратура наведения запутается в двух одинаковых источниках, и снаряд упадет на землю, не достигнув цели.

Мне предложили на выбор один из корпусов, другой предназначался для КБ. Конечно же, я выбрал тот, что с излучателем.

Дома на излучатель буквально накинулся мой сосед по рабочему столу, один из создателей аппаратуры наведения отечественных ПТУРСов «Фагот» и «Конкурс», лауреат госпремии Виктор Курносов. За неполный рабочий день он составил электронную схему излучателя, запустил ее и определил постоянную и неизменяемую частоту модуляции для всех сотен тысяч выпущенных фирмой «Хьюз» снарядов «Тоу» — 5 кГц. Благодаря этой информации наши танки оснастили приборами, которые при необходимости надежно защищали их от ракет «Тоу».

Получили мы и боевые снаряды «Тоу» вместе с пусковой аппаратурой. За их получением меня срочно вызвали

прямо на аэродром. Передавая образцы, человек в форме полковника ВВС командным тоном велел через два дня вернуть два снаряда в охолощенном (то есть разряженном) виде для демонстрации высокому начальству. На мой вопрос: «Откуда снаряды?» — последовал ответ типа «Не ваше это дело». Едва не сорвавшись на грубость, я сказал: «Но ведь мне их разряжать, товарищ полковник, а не вам. Может быть, снаряды преднамеренно заминировали и подсунули вашим ребятам!» В ответ полковник недовольно буркнул: «Из Да-нанга».

Разбирали снаряды в субботу и воскресенье с начальником отдела реактивных двигателей Владимиром Вознюком. Работали за низеньким металлическим заземленным столом, постоянно снимая с ладоней статическое электричество. Эти меры предосторожности очень важны: из-за пренебрежения ими не раз гибли наши люди от своих же боеприпасов где, казалось бы, все было известно и ясно.

Не один раз мне случалось потрошить чужие и незнакомые взрывные устройства. И всегда я испытывал страх. Мне казалось, что при этом я был подобен кролику, который под гипнозом удава пищит, а в пасть ему лезет! Но техническое любопытство всегда пересиливало страх.

При изучении американских снарядов «Тоу» фирмы «Хьюз» выяснилось, что ничего экстраординарного для наших конструкторов в образцах нет. Оно и понятно: фирма «Хьюз» вертолетная, а тут подвалила возможность подзаработать, ну и они быстренько сляпали оплаченный Пентагоном комплекс. Правда, технологическое исполнение вызвало у наших спецов восторг — нам бы такие возможности!

ПОЛИГОН: СТРЕЛЬБА ПО КРОЛИКАМ

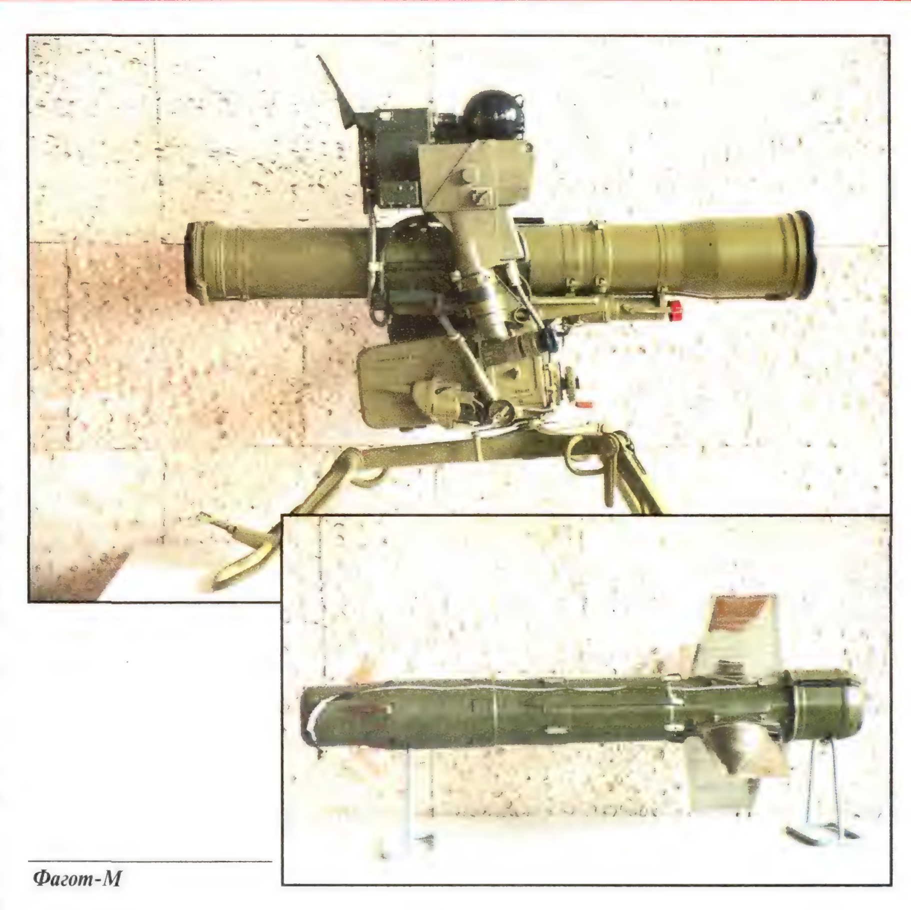
Через некоторое время были подготовлены снаряды «Тоу» для опытных стрельб на полигоне.

На огневой позиции подготовку американской аппаратуры осуществлял инженер Тульского КБ. Мне поручили обеспечить правильное обращение со снарядами и заряжание установки. Стрелять должен был высококлассный наводчик полигона Михаил Васильевич Хромов.

После подготовки всего необходимого на позиции я заглянул на НП. На просторной веранде для сановных гостей были установлены треноги со стереотрубами и ТЗК (трубками зенитного командира), на широких перилах лежал десяток биноклей. Не удержался: схватил один из биноклей, сунул за кирзовое голенище и вернулся к установке.

Вскоре мимо нас к мишенной обстановке прогрохотала цель — танк Т-64. Танк с полным боекомплектом, на месте экипажа — кролики в клетках.

Для стрельб было подготовлено пять снарядов. Первые три — для проверки

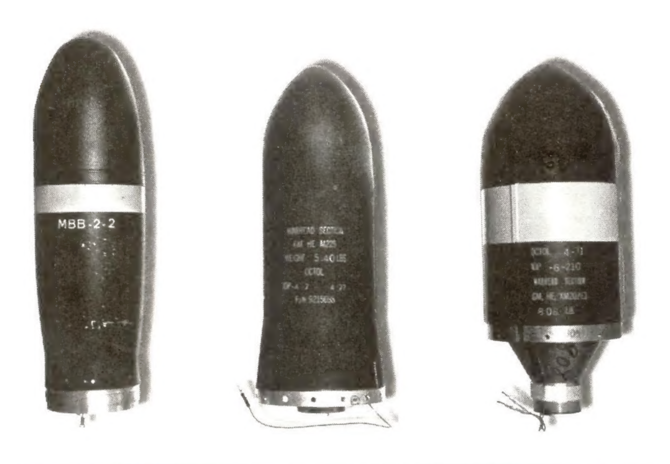
Фагот-М

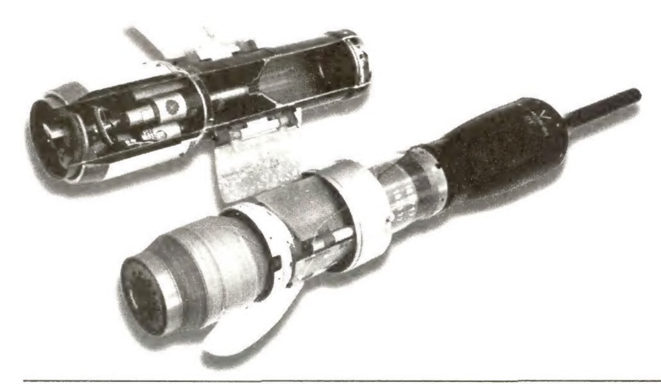
Метис-М

Самый первый «Тоу» (справа), подробно исследовавшийся и испытанный нами. В центре — его модернизация: боевая часть снабжена выпрыгивающим наконечником для предконтактного подрыва, что увеличивает бронепробиваемость. Слева «Тоу-2» с увеличенным до 150 мм калибром боевой части.

Боевые части переносных ПТУРСов. Слева направо: франко-западногерманского «Милана», американского «Дракона» и американского «Тоу». Черный цвет зарубежных боеголовок означает боевое снаряжение.

Последняя модель ПТУРСа «Милан» — «Милан-2».

бронепробиваемости обычной брони, оставшиеся два предназначались для танка.

Процесс выстрела «Тоу» в корне отличается от любого нашего ПТУРСа. При пуске «Шмеля», «Фаланги» с БРДМ, а позднее и пехотного варианта «Малютки» вырывающийся из сопла клуб черного дыма мешал наводчику, и тот, чертыхаясь, разгонял дым, немного разбалтывая снаряд по горизонту командой «влево-вправо».

У «Тоу» все не так. С оглушительным громом снаряд срывается с установки, которая — вместе с наводчиком, разумеется — тоже окутывается большим клубом дыма. Только дым этот светло-голубоватый, и через него прекрасно виден рубиново-красный свет бортового излучателя. Даже в абсолютно безветренную погоду дым этот секунд за десять рассеивается.

Метрах в пяти от установки включается реактивный двигатель, который работает всего лишь одну секунду и разгоняет снаряд до скорости 300 м/с. Дым его также светлый и не закрывает свет излучателя. Далее все положенные снаряду три тысячи метров он летит по инерции в полной тишине. Лишь потрескивают колеблющиеся с частотой 20 Гц четыре руля, да красным огоньком светится излучатель.

На первом пуске где-то на середине дистанции «Тоу» вильнул влево-вправо. Это наводчик не утерпел. Проверил управление, тут же сопроводив это комментарием: «Отлично слушается! Почти как наша «Фаланга».

Четвертый выстрел произвели по башне танка. Прицелились в крест, начерченный мелом между орудием и левой кромкой башни. Расстояние до танка немалое — 1600 м. Однако попадание оказалось точным, почти в крест.

Я следил за полетом снаряда, не отрывая от глаз бинокль (именно для этой цели пришлось его экспроприировать с НП). В какой-то момент мне показалось что в месте попадания после взрыва короткое мгновение светилась яркая точка. Первая мысль: «Через сквозную пробоину видно пламя воспламенившегося боекомплекта». Однако, как оказалось при осмотре, боеголовка «Тоу» броню танка не преодолела. Находившиеся в башне кролики даже не были травмированы и с удовольствием набросились на протянутое им угощение.

Неожиданное случилось на последнем, пятом, пуске. Из-за сбоя в системе включения разгонного двигателя снаряд круто пошел вниз и рухнул на землю в двадцати метрах от установки. Не скажу, что взрывная волна была такой уж сильной, но бинокль в кровь разбил мне правую бровь. Наводчик же, который стрелял стоя на одном колене, даже не шелохнулся. Это меня вначале испугало — показалось, что он ранен и сейчас завалится на бок. Но он неторопливо поднялся и, обернувшись ко мне, ухмыльнулся: «Оказывается, и американские снаряды отказывают!»

Вытерев кровь, я побежал на НП. Поднимаясь на веранду, услышал слова председателя комиссии начальника ГРАУ Павла Ивановича Кулешова: «Наводчика ко мне!» Остальные присутствующие на НП переговаривались шепотом. Павел Иванович молча расхаживал взад-вперед, руки за спиной.

— По вашему приказанию явился, товарищ маршал! — произнес с порога Хромов, вытягиваясь струной.

— Михаил Васильевич, вы вели себя, как настоящий русский офицер! Маршал завел ладонь себе за спину, коротко сказав стоявшему за ним полковнику: «Дай!» Тот положил ему в ладонь коробочку.

— Михаил Васильевич! Вам от меня традиционный артиллерийский подарок — часы за отличную стрельбу!

Маршал попросил не распространяться о слабости «Тоу» перед нашей танковой броней: пусть американцы подольше пребывают в заблуждении.

Жизнь показала, что наш вероятный противник в заблуждении пребывал не очень долго. Скоро появились более совершенные модификации «Тоу».

НИКТО НЕ ХОТЕЛ БЫТЬ ПОСЛЕДНИМ

Высокие достижения технической мысли продемонстрировали немецкие конструкторы. Мы это отметили, получив после очередных стычек египтян с израильтянами несколько ПТУРСов

производства ФРГ. Немецкие комплексы имели змеиные названия: «Кобра» и «Мамба». Это были последние разработки зарубежных ПТУРСов так называемого первого поколения — с ручным наведением. Наверное, их подобрали после разгрома израильской батареи: снаряды «Кобр» были в песке, некоторые с осколочными пробоинами, провода от пульта управления наскоро смотаны. На одном снаряде от попадания осколка даже взорвался детонатор головной части взрывателя.

При сравнении немецких образцов с нашим последним ПТУРСом первого поколения «Малютка» стало видно, что мы ушли далеко вперед. «Малютки» были компактнее и поражали цель на треть дальше. В это же время в зарубежной литературе промелькнула фраза: «Советы выиграли соревнование в разработке ПТУРСов первого поколения».

Анализ столкновений на Синае показал также, что первоначальные предположения наших теоретиков о небольшой эффективности ручного управления в стрессовых ситуациях оказались безосновательными. В ходе арабо-израильской войны выяснилось, что многие египетские наводчики, имевшие на своем боевом счету по десятку и более израильских танков, применяли именно нашу «Малютку», направлявшуюся на цель вручную.

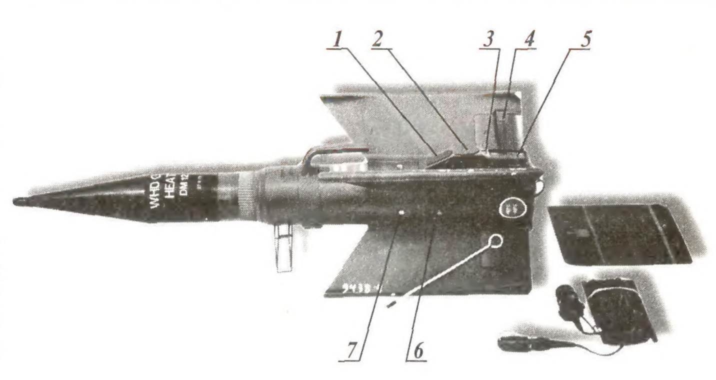
Однако немцы работали намного проще и дешевле, чем мы. То, что мы делали из дюралюминия (например, планер), они выполняли из картона; для корпусов наших ракетных двигателей использовалась наилучшая закаленная сталь, у немцев — штампованный алюминиевый сплав. И так многое другое. Оригинальна была и система старта «Кобры» и «Мамбы»: не надо устанавливать снаряд на направляющей, а просто взять за находившуюся сбоку транспортировочную рукоятку и поставить крыльями-стабилизаторами на землю, в танкоопасном направлении. При старте они подпрыгивают и устремляются к цели.

Но все наше было легче, компактней, стреляло дальше и пробивало больше. Немецкие снаряды явно отказали бы даже после хорошего ливня. Нашим ПТУРам же было нипочем и недельное лежание в болоте.

Тем временем в американских и немецких военных журналах начали мелькать сообщения о начинающихся там разработках ПТУРСов второго поколения. Такие снаряды идут на цель сами, наводчику надо лишь удерживать на цели перекрестие в оптическом прицеле. У американцев новый ПТУРС носил название «Дракон». Немцы совместно с французами разрабатывали «Милан»*.

Аналогичный советский ПТУР назвали «Фаготом». Он был принят на вооружение Советской Армией годом раньше, чем «Милан» — Бундесвером.

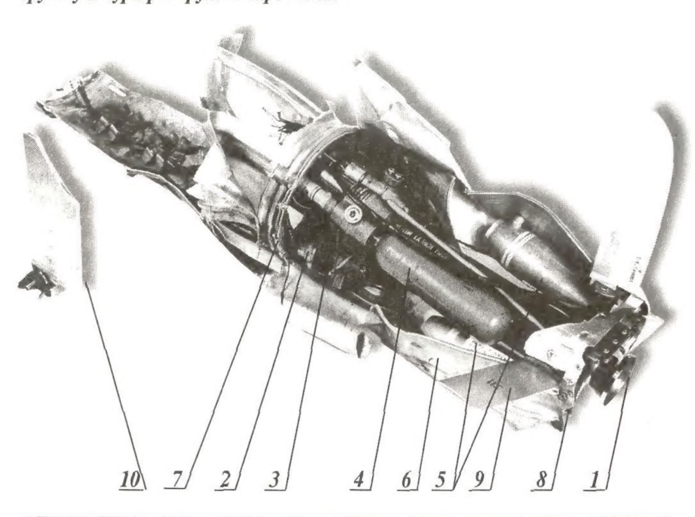
Хоть мы и обогнали по срокам разработки Германию и Францию, но интерес к «Милану» у нас был огромный. Особенно хотелось получить его боевую часть, которая (если только не врала зарубежная реклама) была лучше нашей, но в чем его особенности, мы тогда не знали.

Последний германский ПТУРС «Мамба» с кумулятивно-осколочной боевой частью.

1,2 — электроконтактные разъемы, 3 — шпилька крепления трассера, 4 — интерцептор управления, 5 — трассер переменного свечения, 7,6 — крепежные винты.

Раскладная металлическая подкладка под сопло двигателя (справа) и кабель к пульту управления. На крыле лежит стержень для фиксации к грунту шнура раскрутки гироскопа.

Остатки ПТУРСа «Тоу». Снаряд был выпущен по египетскому танку, но прошел мимо и подорвался на грунте. Анализ остатков снаряда позволил определить частоту управляющих сигналов.

1 — вышибной двигатель; 2 — одна из четырех рулевых машинок; 3 — редуктор гелиевого баллона; 4 — баллон со сжатым до 400 атмосфер гелием для привода рулевых машинок; 5 — две катушки проводной линии связи; 6 — корпус отсека управления; 7 — дно двигательного отсека; 8 — бортовой источник модулированного излучения; 9 — рулевое крыло; 10 — крыло.

«МИЛАН»

Наступил день, когда на одном из служебных аэродромов мы с нашими поставщиками ожидали самолет, на борту которого находились вожделенные «Миланы». Пребывая по этому случаю в приподнятом настроении, я заявил, что поставлю бутылку коньяка, если контейнеры снарядов будут маркированы черной полосой. Черная полоса на пусковом контейнере и боеголовка черного цвета у американцев и немцев означают боевое снаряжение. Голубой цвет — инертное (не боевое).

Приземлившийся самолет был громадным, внутри хоть в волейбол играй.

— Неужели эта штука может летать? И как вам не страшно? — спросил я пилота.

— А мы и побаивались всю дорогу... Только не своего самолета, а вашего груза. Забирайте его поскорее.

Маркировка оказалась голубого цвета. Но и за то мы были искренне благодарны нашим друзьям из ГРУ.

Через пару недель у КПП того же аэродрома состоялась очередная встреча моего задрыганного уазика с черной «Волгой». Мне вручили тяжелый пакет и предложили ознакомиться с его содержимым. Сидя в кабине, я на коленях развернул его — две черные боеголовки и отдельно два взрывателя «Милана».

— Теперь-то можно за них платить? — спросил сопровождавший груз офицер.

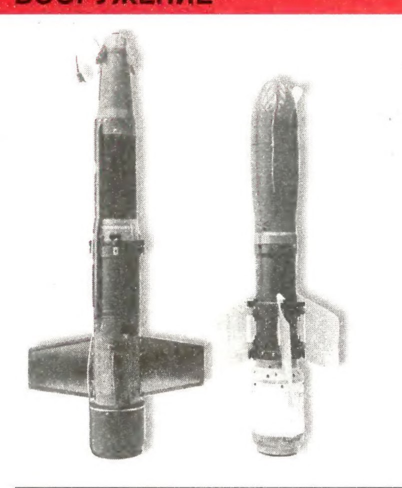
— Конечно, — ответил я, крепко пожимая руки хозяевам «Волги».

Согласно уговору, достал было коньяк и бутерброды, но мое предложение было вежливо отвергнуто со ссылкой на то, что-де за рулем.

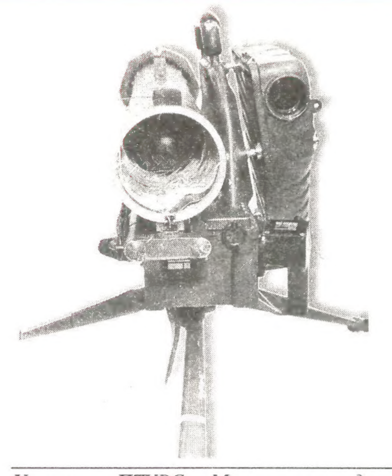
В итоге исследования снаряда «Милан» нашим танкам теперь были не страшны не только американские «Тоу», но и весьма распространенные франко-германские «Милан» и «Хот»**.

**** Название отнюдь не в честь итальянского города. В переводе с французского аббревиатуры слов: «снаряд пехотный управляемый противотанковый».***

***** «Хот» — тот же «Милан», только гораздо более мощный, возимый и вертолетный.***

ПТУРС «Фагот» (справа) и его франко-западногерманский аналог «Милан».

Установка ПТУРСа «Милан», поврежденная разрывом танкового снаряда в долине Бекаа.

Я имел удовольствие лично в этом убедиться. Мы подготовили к пускам несколько «Миланов», предварительно заменив их боеголовки на инертные и исправив имевшиеся повреждения в системе управления. Озадачивала только бюрократическая часть подготовки — на воинском полигоне с нас могли потребовать документы, подтверждавшие качество проведенных на снарядах работ, и справку о безопасности. Этих бумаг у нас не было. Но все обошлось, и мы оказались на позиции одного из подмосковных полигонов МО.

Все было намного проще, чем в случае «Тоу». Небольшая группа старших офицеров расположилась на НП, а мы с пусковой установкой и снарядами устроились немного впереди, на небольшом бугорке. Мишени — два танка Т-72.

Стрелять «Миланом» оказалось удобнее, чем нашим «Фаготом». Пусковая установка «Фагота» раскладывается с громким треском. За полсекунды до схода снаряда установка вздрагивает, так как передняя крышка контейнера открывается пиропатроном. Выстрел сопровождается дульным пламенем, от отдачи перекрестие прицела сходит с цели. На конечный результат все это не влияет, но помехи есть помехи.

У «Милана» тренога установки раскладывается бесшумно. При сходе снаряда демаскирующее дульное пламя отсутствует, и отдача выстрела установкой не воспринимается.

Оба танка Т-72 были оснащены системами противодействия управляемым снарядам и успешно отбили все атаки: «Миланы» падали, не долетев до цели метров пятьсот.

Российская оборонная промышленность в настоящее время освоила выпуск нового поколения высокосовершенных противотанковых управляемых ракет. Определенный вклад в это внесен и теми, кто поставлял и исследовал их зарубежные аналоги.

В НАТО боятся новых наших ПТУРСов, о чем косвенно можно судить по сообщениям в газетах:

«Госдепартамент США объявил о введении санкций против трех российских оборонных предприятий, участвующих в военно-техническом сотрудничестве с Сирией. Среди репрессивных фирм: Тульское конструкторское бюро приборостроения, возглавляемое академиком А.Шипуновым. Последняя фирма уже подготовила договор о поставке Сирии крупной партии противотанковых ракетных комплексов «Корнет-Э» и «Метис-М».